

Бесконечность + 1

Автор:

[Эми Хармон](#)

Бесконечность + 1

Эми Хармон

Романы Эми Хармон

Девочка. Мальчик. Вспышка страсти. Сложные обстоятельства. Только один выбор: уйти или протянуть руку помощи, рискуя собой... Бонни – суперзвезда. Она красива, богата и невероятно знаменита. Бонни мечтает умереть. Клайд – никто. Он сломан, гениален и невероятно циничен. Все, о чем он мечтает, – это еще один шанс в жизни. Их встреча запускает бомбу замедленного действия... Вместе у парня без прошлого и девушки без будущего есть несколько дней, чтобы все изменить. Кем они станут друг другу? Незнакомцами, друзьями, соучастниками преступления или влюбленными? Их путешествие может изменить судьбу каждого, стоить жизни или длиться бесконечность...и один день.

Если бы Бонни снова встретила Клайда, рискнула бы она всем?

Это книга о близком человеке, который может скрываться за маской незнакомца. О любви, которая встречается в самых неожиданных местах. О золотой клетке, которая может быть страшнее тюремной решетки. – goodreads

В книге есть: #страсть, #препятствия, #реализм

Э. Хармон

Бесконечность + 1

Amy Harmon

Infinity + One

Infinity + One © 2014, by Amy Harmon.

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

Пролог

Истоки

ТЕЛЕВИЗОР НАДРЫВАЛСЯ. Какой-то информационно-развлекательный канал. Ведущая сидела возле монитора, будто это делало ее умнее, а передачу – достовернее. Но искусственный загар и накладные ресницы выдавали девицу с головой, и ни монитор, ни серьезное выражение лица ситуацию не спасали. Он потянулся за пультом, но внезапно увидел на экране собственное лицо, и его рука вяло опустилась. На фотографии он улыбался, глядя сверху вниз на девушку и обнимая ее за талию. Девушка тоже смотрела на него с улыбкой, положив руку ему на грудь. И тут сквозь фотографию проступила другая, черно-белая. Точно замороженный, он уставился на экран, а ведущая тем временем начала свой рассказ:

«Бонни Паркер познакомилась с Клайдом Бэрроу в Техасе в январе тысяча девятьсот тридцатого года, в самый разгар Великой депрессии. Лишенные надежды люди жили в бедности и отчаянии. Паркер и Бэрроу не были исключением. Клайду исполнилось двадцать лет, Бонни – девятнадцать. Казалось бы, они ничего не могли предложить друг другу: Бонни уже была замужем, хоть и успела разойтись с супругом, Клайд нажил лишь список судимостей да умение выживать. Однако они стали неразлучны. В последующие четыре года между тюремными сроками и бесконечными побегамми они огненным вихрем прошли по пыльному Югу, грабя банки, магазины, бензозаправки, убивая полицейских, а иногда и местных жителей и нигде не

задерживаясь надолго. Рулон фотопленки и сборник стихов авторства Бонни, обнаруженные во временном убежище пары в Джоплине, штат Миссури, пролили свет на жизнь юных преступников и позволили им прочно войти в американскую историю, будоража воображение людей по всему миру. Молодые, дерзкие и влюбленные, Бонни и Клайд ни о чем не задумывались, заботясь лишь друг о друге. Они скрывались от закона, понимая, что смерть неизбежна, и в мае тысяча девятьсот тридцать четвертого года рок наконец настиг их. Преступники попали в засаду на пустынной дороге в Луизиане. В их машину выстрелили около ста тридцати раз. Бонни и Клайд встретили смерть вместе, прошитые множеством пуль. Их жизнь, наполненная разбойным весельем, оборвалась. Они ушли, но не забыты.

Выходит, история повторяется? Неужели у нас появилась своя, современная версия Бонни и Клайда – любовников-беглецов, оставляющих после себя хаос? Сходство между двумя историями не полное, однако его сложно не заметить. И мы невольно задаемся вопросом: не виноваты ли в этом слишком ранняя слава и успех? В противоположность бедности, на фоне которой развернулась драма тридцатых годов, здесь имела место другая крайность. Но в обоих случаях речь идет о молодых людях, которые слишком рано повзрослели, столкнулись с жестокой реальностью и в конце концов восстали против системы.

Как часто мы видели подобное: многообещающая карьера, невероятный талант... Теперь остается лишь гадать, что же случилось с Бонни Рэй Шелби».

1

Угол падения

Одиннадцать дней назад

– ГОВОРЯТ, ВСЕ КРИЧАТ, когда падают. Даже если прыгнули сами.

Голос раздался из ниоткуда, и я вздрогнула. В животе все перевернулось, словно я уже разжала руки и лечу вниз сквозь белесую дымку. Никого не было видно. Стоял густой туман. Отличная возможность ускользнуть, нырнуть в бархатную

белизну так, что никто не заметит. Дымка была обманчиво плотной. Она обволакивала и внушала ложное чувство безопасности. Будто сумеет подхватить меня в любой момент. Будто в ней можно ненадолго спрятаться. Я почти слышала влажный шепот, убеждавший меня, что разжать руки будет легко, что это не больно. Я не упаду, просто провалюсь в пушистое облако. Но, с другой стороны, мне хотелось упасть. Ведь за этим я сюда и пришла. В голове звучали строчки песни:

Теперь на небесах малышка Минни Мэй

И ждет, когда я к ней отправлюсь в рай.

Немного погоди, свобода впереди.

Прощай, Кентукки милый мой, прощай.

- А ну-ка слезай оттуда, - снова раздался бестелесный голос.

Я не могла понять, с какой стороны он доносится. Низкий, с хрипотцой. Мужской голос. Судя по тембру, он принадлежал человеку в годах. Может, ровеснику моего отца. Мой папа как раз был из тех, кто стал бы уговаривать незнакомцев не прыгать с моста. Он бы, наверное, даже спел. Мои губы тронула слабая улыбка. Вокруг папиного голоса строились все мои самые ранние воспоминания. Глубокое, слегка народное звучание, гортанное, с нотками йодля - все то, что впоследствии определило мой собственный узнаваемый стиль. В детстве я всегда брала на себя главную мелодию, папа подпевал партию тенора, а бабушка добавляла верхние ноты. Мы могли петь часами. Это было наше любимое занятие. То, что мы умели делать лучше всего. Наша жизнь. Но теперь я устала от этой жизни.

- Ладно, не хочешь слезать - я сам поднимусь.

Я снова вздрогнула, потому что успела о нем забыть. Как же быстро я успела о нем забыть! Будто окружавшая меня дымка проникала в мозг с каждым вдохом, затуманивая сознание. Незнакомец проглатывал окончания, и гласные у него звучали как-то странно. Я никак не могла сообразить, что это за акцент. В голове замелькали спутанные мысли. Бостон. Точно. Я же в Бостоне. А вчера вечером была в Нью-Йорке. А за два дня до этого - в Филадельфии. В понедельник, кажется, был Детройт? Я попыталась вспомнить все места, где останавливалась, но размытые впечатления сливались в одно. Мне почти никогда не удавалось

посмотреть города, в которые я приезжала. Они слишком быстро сменяли друг друга.

Обладатель голоса внезапно оказался рядом. Он балансировал на нижней перекладине, упершись руками в верхнюю, так что его поза повторяла мою. Незнакомец был высоким. Я заметила это, искоса бросив на него взгляд из-под руки, которой держалась за балку над головой. Сердце ухнуло куда-то вниз и снова отскочило наверх, оставив тошнотворное ощущение. В желудке у меня было пусто, но к такому мне не привыкать. А вдруг этот человек – насильник или серийный убийца? При этой мысли я лишь устало пожала плечами. Если мне так уж важно избежать убийства или изнасилования, можно просто разжать руки. И все, больше никаких проблем.

– Родители-то в курсе, где ты?

Вот, опять. Опять эти проглоченные окончания. Нет, на папин голос совсем не похоже. Папа родился и вырос в холмистом Теннесси. Мы в Теннесси окончания не глотаем. Выговариваем слова отчетливо, облизывая каждое, как лимонный леденец.

– Может, позвонить кому-нибудь? – снова заговорил незнакомец, не получив ответа на предыдущий вопрос.

Я покачала головой, не глядя на него, уставившись вперед, в туман. Мне нравилась эта белая пустота. Она успокаивала. Хотелось подобраться к ней поближе. Поэтому я и решила забраться сюда.

– Эй, малыш, не могу ж я тебя тут оставить.

Меня завораживало это странное произношение, но я все равно предпочла бы, чтобы от меня отстали.

– Никакой я не малыш. Так что вполне можете меня оставить, – наконец отозвалась я, невольно отметив, что, выговаривая окончания слов, я тем самым словно подчеркиваю свой упрямый отказ.

Ощувив на себе чужой взгляд, я повернулась, чтобы наконец рассмотреть незнакомца. На голове у него, как и у меня, вязаная шапочка, натянутая почти до бровей и прикрывающая уши. На улице было холодно. Я стащила шапку у своего охранника, а заодно прихватила и огромную толстовку с капюшоном, которую кто-то забыл в примерке. Незнакомцу шапочка шла – он-то наверняка ее не украл. Из-под вязаного края торчали лохматые светлые волосы, но брови были густые и почти такие же темные, как шапка, два черных штриха над глазами неясного цвета – в туманном сумраке все казалось сероватым. Взгляд незнакомца был спокойным, но губы слегка дрогнули, словно он удивился. Похоже, мы оба ошиблись. Он подумал, что я мальчишка, а я – что он ровесник моего папы. Оказалось, он лишь немногим старше меня.

– Да уж, похоже на то, – отозвался незнакомец, с удивлением покосившись на мою грудь, словно желая удостовериться, что я действительно девушка.

Я приподняла бровь и вздернула подбородок, вынуждая собеседника перевести взгляд повыше, что тот и сделал почти сразу. Затем он мягко и осторожно продолжил:

– Если упадешь, тебе, скорее всего, конец. Падать будет, может, и приятно. Но когда долетишь, мало не покажется. Дерьмовые ощущения. Если все же выживешь, пожалеешь, что не умерла. И что вообще прыгнула. И на помощь станешь звать, только будет поздно, потому что я за тобой нырять не собираюсь, техаска.

– А я и не прошу, бостонец, – устало отмахнулась я, решив не уточнять свое происхождение. Вероятно, он полагал, что все, кто растягивает слова, непременно родом из Техаса.

Парень скользнул взглядом по моим сапогам и снова посмотрел мне в глаза, прикидывая что-то в уме.

– Мы оба знаем, что ты этого не сделаешь. Заканчивай представление, слезай, и я тебя доставлю куда захочешь.

Зря он это сказал. Ярость затопила меня изнутри, обожгла горло, вырываясь наружу, точно огонь из шахты лифта. По щекам покатались слезы – естественная защитная реакция организма на пламя, ревущее в груди. Я

чувствовала себя измученной. Опустошенной. Выгоревшей эмоционально и физически. Я устала от людей, которые вечно говорят мне, что делать, когда, как и с кем. Устала от невозможности решать за себя. Поэтому я ухватилась за шанс хоть раз принять важное решение. Слова незнакомца лишь придали мне твердости. Я увидела, что он понял это. Парень беззвучно выругался, его глаза широко раскрылись.

Я разжала руки и упала в туман.

?

Когда умерла моя сестра-близнец, смерть вдруг перестала казаться чем-то нереальным. Я думала о ней постоянно. И поскольку Минни теперь была там, куда уходят после смерти, а я любила ее больше всего на свете, в глубине души мне тоже хотелось оказаться там. Поэтому я начала задумываться о собственной смерти, подолгу размышляла о ней, гадала, каково это. Нельзя сказать, что я внезапно захотела умереть. Такие вещи не случаются вдруг. Все начинается с одной мысли, которая мелькает где-то на задворках сознания, напоминая пламя свечи на торте, которое вот-вот задуют. Но мысль о смерти – это очень хитрая свеча. Ты ее тушишь, а она зажигается снова.

И снова. И каждый раз, когда эта свеча вспыхивает, ей удается продержаться чуть дольше, разгореться ярче. Ее свет кажется теплым. Даже ласковым. Тебе и в голову не придет, что такой огонь может обжечь.

В конце концов мелькающая мысль превращается в вариант развития событий, который со временем обрастает деталями и становится более точным. Возникают план А, план Б. Иногда даже В и Г. А там сам не заметишь, как начнешь прощаться с жизнью. «Может, я сейчас в последний раз пью кофе. В последний раз завязываю шнурки. В последний раз глажу кота. В последний раз пою эту песню». И каждый раз это слово – «последний» – приносит облегчение. Как будто вычеркиваешь пункт за пунктом из длинного списка скучных дел. А потом вместо маленькой свечки в голове начинают гореть мосты. Те, кто хочет умереть, жгут мосты не задумываясь. Сначала жгут, а потом прыгают с них.

В тот вечер я выставила всех из моей личной гримерки. Убедила их уйти. Я улыбалась и говорила спокойно. Не кричала, не плакала, не корчила из себя диву. Я никогда этого не делала. С этим отлично справлялась моя бабуля. А я

просто попросила, чтобы меня оставили ненадолго. Мы провели последний концерт тура, всем хотелось отпраздновать. Прошлым вечером я спела в «Мэдисон-сквер-гарден», и ба была вне себя от восторга. Сегодня еще одна арена, «ТД-гарден» – так ее называют. Я понимала, что должна прыгать от счастья. Но не могла. Я казалась себе большим пустым арбузом. Помню, папа любил срезать верхушку и есть арбуз ложкой, как мороженое. Он съедал всю мякоть, и оставалась только пустая кожура. Потом папа водружал на место срезанную крышечку, и арбуз выглядел как новенький. Когда мама обнаруживала, что вся мякоть вычищена, она страшно ругалась.

Все ушли: мой стилист Джерри, визажист Шантел и другие – жены и подружки техников, пришедшие на последний концерт тура. Шоу закончилось. Ну, почти закончилось. Я сбежала со сцены, не спев последнюю песню. Ребятам с разогрева и моей группе пришлось играть традиционное финальное попури без меня.

Я сказала, что плохо себя чувствую. Но, прежде чем уйти со сцены, выложились на всю катушку, как меня учили. Спела песни из последнего альбома и хиты из предыдущих трех. Имея за плечами четыре полноценные пластинки, не считая релиза всех песен, исполненных на конкурсе «Нэшвилл навсегда», в срочном порядке выпущенного через месяц после моей победы, я завоевала свое место в шоу-бизнесе. Я была хедлайнером и лауреатом премии «Грэмми», а мой последний альбом «На осколки» стал платиновым.

Я выполнила все свои обязательства. Никто бы не посмел сказать, что я схалтурила. Я вложила душу в каждую песню, выводя каждую ноту.

Добросовестно скакала по сцене в тщательно продуманном одеянии – художественно изорванном тряпье в облипку, синих джинсах, черной шелковой блузке и красных ковбойских сапогах на высоком каблуке. Все это помогало мне балансировать на грани между поп-принцессой и независимой кантри-певицей, увеличивая охват аудитории.

Софиты на сцене обдавали меня жаром, но макияж не потек. Накладные ресницы, профессионально нанесенные тени и подводка придавали моим темно-карым глазам мечтательный, томный вид. Большие щенячьи глаза в обрамлении мягких золотистых локонов. Девочки по всей стране, подражая мне, мечтали иметь длинные светлые кудри «в стиле Бонни Рэй Шелби». Я бы им рассказала, что это очень легко. Свои я купила в обычном магазине. Любая девочка могла

позволить себе такие. Конечно, сейчас мои локоны стали дороже, но так было не всегда.

Когда после химиотерапии у Минни начали выпадать волосы, мы решили обе побриться наголо. Пышные горы светло-каштановых волос усыпали пол. Ведь мы были близнецами. Похожими друг на друга как две капли воды. Зеркальными отражениями. Если Минни будет лысой, то и я должна. Но бабуля сказала, что бритоголовой меня на сцену не пустит, поэтому в день прослушивания на «Нэшвилл навсегда» она взяла деньги, отложенные на дорогу и еду, и купила мне парик с длинными пепельными кудрями.

– Долли Партон всегда выступает в парике, Бонни, – оптимистично заявила ба, нацепив на меня искусственные волосы. – Погляди-ка! Тебе идет быть блондинкой, Бонни Рэй. Так ты похожа на ангелочка. Это хорошо. Это нам и нужно. Ангельские волосы в сочетании с ангельским голосом.

С тех пор я не расставалась с ангельскими волосами. Потом, конечно, парики а-ля Долли я уже не носила. Мне наращивали пряди, личный парикмахер, который повсюду следовал за мной, делал мне профессиональное окрашивание. Парикмахер, визажист, стилист и охрана. Еще у меня были личный пресс-секретарь, агент и юрист, которым можно было позвонить в любую минуту. И бабушка. Она в какой-то мере выполняла все эти функции. Но главным образом ба была моим менеджером.

Она не хотела отпускать меня одну в гримерку. Бабушка отлично соображала, отличалась суровостью, иногда бывала грубоватой и даже внушала страх. И она сразу почуяла неладное. Почуяла запах горящего моста, вот только дыма не видела.

– Дай мне минутку, ба. Мне уже двадцать один. Меня можно оставить одну на полчаса – мир, представь себе, не рухнет. – Мой тон оставался беззаботным, но в глубине души мне было противно. Лгунья. Ведь ее мир сегодня и впрямь рухнет. Какая ирония!

Бабушка кивнула, повернулась и ушла заниматься делами. И вот я осталась одна. Я посмотрела на свое отражение в большом зеркале – здесь повсюду стояли зеркала. Я провела рукой по локонам и несколько раз моргнула. А потом достала ножницы, которые стащила у Джерри из сумки с инструментами, и

стала стричься. Чик-чик-чик. Ангельские волосы посыпались на пол, как шесть лет назад. Несколько прядей упало мне на плечи и колени, одна попала в вырез блузки, и я расхохоталась. Волосы торчали из декольте, и я подумала, что похожа на грудастого мужика. Смеясь, я с остервенением продолжала стричься. Наконец волос осталось совсем немного. Они торчали во все стороны неровными хохолками, выбиваясь из-за ушей. Получилось даже короче, чем у Деймона. Деймон был барабанщиком, отыграл с нами весь тур, посвященный альбому «На осколки». Мне он нравился, но ба его ко мне не подпускала – якобы у него герпес. А я думаю, дело в том, что у него есть член. Бабушка вообще не подпускала ко мне парней.

Мой смех уже больше напоминал рыдания. Я смотрела на остриженные волосы и понимала, что назад дороги нет и что рядом нет Минни, которая постриглась бы со мной за компанию. Но я не позволила себе поддаться отчаянию и содрала с век накладные ресницы, которые, точно паучьи лапки, цеплялись за кожу и не желали отклеиваться. Затем я стерла макияж влажными салфетками и спрятала то, что осталось от ангельских кудрей, под вязаной шапочкой. От нее пахло Медведем – это у него я стащила шапку, – и я снова почувствовала укол боли, справиться с которой оказалось уже сложнее. Я буду скучать по Медведю. И он по мне.

Красные сапоги и джинсы пришлось оставить: мне не во что было переодеться, да и времени было в обрез. Сверху я натянула огромную промо-толстовку, на которой был напечатан длинный столбик дат – все концерты за две тысячи тринадцатый – четырнадцатый годы. От одного их вида накатило чувство усталости. Я натянула поверх шапочки капюшон, пряча лицо в тени, как недоделанный гангстер. Надо было спешить. Состриженные волосы я убирать не стала. Разбросанные пряди так и остались на полу и туалетном столике. Не знаю, почему мне хотелось, чтобы бабушка увидела их. Просто хотелось.

Я кинулась к двери и тут же резко затормозила. Как я поймаю такси или хотя бы сяду в автобус? У меня ведь нет денег. Ни кошелек, ни кредитки. Я никогда ничего такого с собой не брала. Не было необходимости. Если мне что-то требовалось, ба или кто-нибудь из моей команды решали этот вопрос. На целых несколько секунд я поддавалась панике, но потом мой взгляд упал на бабушкину сумочку, лежавшую на столе. Я глазам своим не поверила.

Ба прожила в бедности намного дольше, чем в богатстве, а мы, бедняки, не любим выпускать деньги из рук. Мы прячем их под матрасы и в бюстгалтеры,

расковыриваем стены, чтобы затолкать туда свое сокровище. У бабушки сохранился менталитет бедняка, который исправит только могила, так что она всегда таскала с собой кучу наличных. Я догадывалась, что там намного больше, чем нужно на такси, но, будучи уже порядком взвинченной, в полной уверенности, что время на исходе, схватила сумочку, не заглянув внутрь.

Насколько я знала бабулю, штук сто, не меньше, должны были лежать в сейфе, который стоит в моем автобусе. Пусть пользуется, мне не жалко. Я закинула дизайнерскую сумочку на плечо и, опустив голову пониже, распахнула дверь гримерки. И ушла. Никто меня не караулил. В коридорах на меня, по-моему, никто даже не взглянул. Я специально игла как можно спокойнее.

Когда желание сбежать замелькало у меня в голове несколько недель назад, я начала присматриваться к расположению выходов в местах моих выступлений. Я обходила здания, их бетонные коридоры, изучала внутренности и лабиринты стадионов и арен. Медведь повсюду следовал за мной, но я врала, что хочу размять ноги и разогреться. Я придумала для себя игру под названием «А что, если?...». Где бы я ни оказалась, везде я замышляла отчаянный побег. Мечтала. Воображала. И вот я уже наяву шагаю прочь от арены, символа моего абсолютного успеха. Я ни разу не оглянулась.

?

Едва отпустив балку, я тут же об этом пожалела. Неужели в конце всегда так? Никакой жизни, пролетающей перед глазами в одно мгновение. Никаких кадров прошлого, как в немом кино. Только короткое, отчетливое осознание, что все кончено. Линия финиша пройдена. словно в замедленной съемке, я начала падать вперед ласточкой. Мои ноги еще не оторвались от нижней перекладины. Я почувствовала, что незнакомец кинулся ко мне, вцепился в толстовку на спине и дернул, меняя траекторию моего падения. Ноги лишились опоры, и, вместо того чтобы полететь вперед, я упала, стукнувшись левым боком о металлическую балку, на которой стояла. Незнакомец, вероятно, тоже не удержал равновесие: я почувствовала, как его падающее тело задело мое плечо. Я упала, больно ударившись, и распласталась наполовину на своем спасителе, наполовину на мокром бетоне возле ограждения. Я тут же попыталась вскочить, вырываясь из рук незнакомца, воинственная, разъяренная тем, что у меня снова отняли право выбора.

– Прекрати! – прошипел он, резко втянув воздух, когда я ткнула локтем ему в ребра и оперлась на него, пытаюсь подняться. – Чокнутая, что ли?

– Не чокнутая! – закричала я. – Ты вообще кто такой? Отвали! Я тебя просила меня спасти?

В какой-то момент потасовки с меня свалилась шапочка. Я пошарила руками по бетону, но ничего не нашла. Потеря шапки, принадлежавшей Медведю, отчего-то потрясла меня больше, чем чудесное спасение от гибели. Я обхватила голову руками, прислонилась спиной к ограждению и поджала колени к груди, тяжело дыша и смаргивая слезы. Может, я плакала не о шапке. Может, это были слезы облегчения. Или страха. Или растерянности, потому что я не представляла, что будет дальше. На мосту мои планы заканчивались. Но я знала, что больше не смогу взобраться на ограждение. Не смогу упасть в туман. Манящий огонек смерти потерял свою власть надо мной. По крайней мере на время.

– Я б, наверное, тоже заплакал – с такими-то волосами, – мягко произнес незнакомец и опустил на корточки возле меня. А потом протянул мне шапку.

Я выхватила ее и решительно натянула на голову поверх огрызков волос.

– Я Клайд, – представился он, не убирая руку, словно ждал, что я пожму ее.

Я в оцепенении уставилась на него. Ладони у Клайда были большие, и сам он был большой. Но не такой, как Медведь. Медведь был мощный, ходячая гора мускулов, способная заслонить меня от всего на свете. Чем он, собственно, и занимался. Клайд был жилистым, высоким и широкоплечим, а его руки казались сильными и умелыми – не знаю, почему я об этом подумала.

– Клайд, – тупо повторила я.

Это был не вопрос. Я просто примерила к нему имя. Оно не подходило. Клайды выглядят по-другому. Так звали чувака, который работал на крохотной заправке в Грассли, штат Теннесси. Она стояла прямо у холма, на котором я прожила шестнадцать лет, пока бабуля не убедила родителей, что все мы разбогатеем, если ей разрешат свозить меня в Нэшвилл. Клайд из Грассли, штат Теннесси, являлся гордым обладателем целых двух зубов и любил побренчать на банджо, у которого было всего две струны. Два зуба, две струны. Раньше я как-то не

замечала этой параллели. Может, старина Клайд просто очень любил число два.

– Ну и как тебя зовут, чокнутая? – спросил другой, новый Клайд, так и не убрав руку, дожидаясь, пока я пожму ее в честь знакомства.

– Бонни, – ответила я наконец. А потом рассмеялась, как самая настоящая чокнутая. Меня зовут Бонни, а его – Клайд. Шикарно, а? Я наконец пожала протянутую руку, которая была намного больше моей. В это мгновение я почувствовала себя дерзкой и свободной. Готовой еще пожить.

– Ну да. Ясно. Не хочешь – не говори. Я понимаю. – Клайд пожал плечами. – Буду звать тебя Бонни, если тебе так нравится. – Он явно решил, что я прикалываюсь, но был не против подыграть.

Его голос по-прежнему звучал мягко. Низкий, похожий на глухой рокот, он создавал образ человека, которого непросто вывести из себя. Интересно, умеет ли Клайд петь? Ему бы досталась партия баса, который выводит все самые низкие ноты, давая опору аккордам.

– Ты что же, в бегах, Бонни?

– Можно и так сказать, – ответила я. – Точнее, просто хочу оставить кое-что в прошлом.

Он внимательно посмотрел мне в лицо, и я тут же опустила голову. Кто знает, что за музыку слушает Клайд. Вряд ли такую, какую пою я. Но мое лицо где только не засветилось за последние шесть лет, так что меня вполне могли узнать и те, кто совсем не интересовался исполнителями кантри-попа.

– Тебе есть кому позвонить?

– Да не хочу я никому звонить! Я никого не желаю видеть. И грабить с тобой банки я тоже не буду, Клайд. Давай ты просто уйдешь, ладно?

Это прозвучало грубо, но мне было плевать. Нужно было отделаться от него. Когда станет известно об «исчезновении» Бонни Рэй Шелби, Клайд сразу поймет, кто я такая. Нужно убраться как можно дальше, и тогда будет уже все равно,

что он меня видел.

Клайд вздохнул, тихо выругался, а потом встал и зашагал прочь. Мимо просвистело несколько машин. Они возникали внезапно, из ниоткуда, и я вдруг задумалась, как сюда попал Клайд. Пришел пешком? Может, потому и заметил меня. Иначе он вряд ли смог бы что-то увидеть.

Я огляделась, будто надеясь найти в тумане ответ на свой вопрос. Но вместо этого почувствовала головокружение и растерянность. Я даже не знала, где нахожусь.

Я встала и поспешила вслед за Клайдом. Его силуэт скрылся в дымке, поэтому я перешла на легкий бег, спрятав руки в карманах мешковатой толстовки-балахона, прислушиваясь к звуку шагов, надеясь, что Клайд не успел свернуть. Впрочем, нет. Куда ему сворачивать? По мосту он мог идти либо от меня, либо мне навстречу. Я сама не знала, зачем гонюсь за ним, хотя только что сама его прогнала. Но что еще мне оставалось делать?

Мои шаги зазвучали немного по-другому, и я поняла, что дошла до места, где мост расширяется. Сигнальные конусы отделяли основные полосы от съезда. На обочине в ремонтной зоне был припаркован белый грузовик с надписью «Коммунальные службы Бостона», а прямо за ним, мигая аварийной сигнализацией, стоял облупленный оранжевый «Шевроле-Блейзер» старой модели. Клайд сидел на массивном бампере, широко расставив ноги, опустив сжатые руки между коленями, как будто специально дожидался меня.

- Это твой? - спросила я, указав на «Блейзер».

- Ага.

- Почему здесь припарковался?

- Ну не мог же я остановиться прямо там, в тумане. В меня бы сразу въехали.

- А зачем ты вообще остановился?

– Увидел, что какой-то подросток залез на ограждение и готовится спрыгнуть в Мистик.

– Как? – Мой голос выдавал недоверие и подозрительность.

Клайд уставился на меня, не понимая вопроса.

– Как ты меня разглядел в тумане?

Он пожал плечами:

– Наверное, просто удачно повернул голову. А там ты.

Я удивленно отшатнулась, озадаченная его ответом.

– И что, ты встал здесь на обочине и вернулся пешком? Из-за меня? – Недоверие в моем голосе сменилось абсолютным непониманием. – Зачем?

Клайд встал и подошел к водительской двери, проигнорировав мой вопрос.

– Ну что, Бонни, хватит с тебя мостов на сегодня?

– А если скажу, что нет? – с вызовом бросила я, скрестив руки на груди.

Он остановился и медленно обернулся ко мне.

– Слушай, тебя подбросить куда-нибудь? До автобусной остановки? Домой? В больницу? Что хочешь, назови, я тебя отвезу. Договорились?

Я не знала, что делать. Куда идти. Я повертелась на месте, растирая руки, перебирая в голове варианты, пытаюсь составить план. Ничего не получалось. И я так устала, ужасно устала. Может, попробовать доехать с Клайдом до ближайшего отеля? Там он меня высадит, и я смогу проспать пару дней – или даже пару лет, – пока все не встанет на свои места. Пока ко мне не вернется смелость или ощущение ясности. Сейчас у меня не было ни того, ни другого.

Мимо одна за другой пронеслись две полицейские машины. Их мигалки ярко сверкали в туманной темноте, напоминая психоделические дискотечные шары в прокуренном ночном клубе. Мы с Клайдом оба вздрогнули, услышав сирены. Он встретился со мной взглядом.

- Ну что, поедешь?

Я кивнула и поспешила занять пассажирское сиденье. Пришлось посильнее дернуть ручку двери, но со второго раза она поддалась. Я устроилась на потертом кресле, захлопнула за собой дверцу и прижалась к ней, а Клайд тем временем вывернул с обочины на проезжую часть, сливаясь с потоком машин, спускающихся с моста. В «Блейзере» было тепло, из радио доносилась классическая музыка. Я ее не очень-то любила. И ни за что не подумала бы, что Клайду она нравится. Такие, как он, обычно слушают «Перл Джем» или «Нирвану». В вязаной шапочке, с недельной щетиной, он немного смахивал на Курта Кобейна.

Клайд смотрел только на дорогу – скорее всего, заметил, что я разглядываю его и салон машины. Он явно направлялся куда-то далеко. На заднем сиденье громоздились коробки, пара армейских сумок, стопка одеял с подушкой и хилый цветок в горшке. За спинками задних кресел виднелась гитара в чехле. Я тут же испытала острое желание вытащить инструмент из багажника и обнять его, словно с гитарой в руках мне будет проще найти верную дорогу. Будто она сумеет утешить меня, как бывало не раз.

- Куда-то едешь? – спросила я.

- На запад.

- На запад? Ты что, пересмотрел вестернов с Джоном Уэйном? К западу от Бостона много чего есть. Куда именно на запад?

- В Вегас, – ответил Клайд, приглушив радио.

- О. – Вегас. Дорога неблизкая. Интересно, как долго ехать? Я понятия не имела. Это же через всю страну. Ничего себе поездка.

– Мне тоже надо в ту сторону, – с воодушевлением соврала я.

Клайд повернулся ко мне, так высоко вздернув брови, что они скрылись под краем шапки.

– Тебе нужно в Вегас?

– Ну, наверное, так далеко не нужно, просто... на запад, – ушла я от ответа. Не хотела, чтобы он подумал, что я потащусь с ним до самого Вегаса, хотя эта мысль внезапно показалась мне заманчивой. – Подбросишь меня немного?

– Слушай, малыш...

– Клайд, – перебила я его, – я никакой не малыш. Мне двадцать один. Я не малолетка, не сбежала из тюрьмы или психушки. В ку-клукс-клане состою, Библиями не торгую, хоть и верю в Иисуса, чего ни капельки не стыжусь. Но тебе я свою любовь к Господу навязывать не стану, если что. Я готова скинуться на бензин, еду и другие расходы. Мне просто нужно уехать отсюда... на запад. – Хорошо, что он первый сказал «на запад». Теперь я, не имея четкого направления, могла выжимать из этих слов все что угодно.

Клайд улыбнулся. Его губы едва заметно изогнулись, но это уже что-то. Он явно был не из тех, кто часто улыбается.

– У тебя нет ничего, кроме одежды и маленькой сумочки, и ты представилась ненастоящим именем, так что ты явно от кого-то скрываешься, значит, проблем с тобой не оберешься, – возразил он. – А я охренеть как не хочу проблем.

– У меня есть деньги. Все, что мне нужно, куплю по дороге. Путешествую налегке. – Я пожала плечами. – Просто решила, что в раю мне чемодан не пригодится.

Клайд закашлялся и пораженно уставился на меня. Что ж, его можно было понять. Я, конечно, пошутила, но со стороны эта шутка звучала довольно дико. Мне уже самой казалось, что с головой у меня не все в порядке. Я продолжила:

– И, кстати, меня действительно зовут Бонни. А вот ты на Клайда не похож.

– Это моя фамилия, – как будто с неохотой признался он. – Ко мне долгое время обращались только так, вот и сказал по привычке.

– То есть друзья зовут тебя Клайдом?

– Гм. Друзья, ага. – Его голос прозвучал странно, и я подумала, что это, наверное, больная тема.

– Ну, а меня друзья и родные называют Бонни. Вот и ты называй. Звучит как прикол – ну и пусть.

– Бонни и Клайд, – пробормотал он.

– Ага. Будем надеяться, что наше приключение закончится получше.

Клайд не ответил. Я так и не поняла, разрешит ли он мне остаться, но пока мне не отказали напрямую. Голос в голове, подозрительно похожий на бабулин, твердил, что я окончательно съехала с катушек. Видимо, там, на мосту, Клайд спас только мое тело, а вот мозгам не повезло. Они свалились в реку, и я теперь безмозглый зомби. Сделав такой вывод, я прислонилась головой к окну, закрыла глаза и уснула как убитая.

2

Конвергенция

ФИНН КЛАЙД не был дураком. На самом деле он был гением. В детстве его завораживали природные закономерности. Почему у большинства цветов пять лепестков? Почему пчелиные соты имеют форму шестигранников? Почему каждому числу соответствует цвет? Только в восемь лет он узнал, что эти цвета видят не все.

Еще у чисел был вес. При умножении они кружились у Финна в голове, как снежинки в игрушечном стеклянном шаре, а потом мягко опадали, складываясь в ответы, будто решение задачи возникало под действием гравитации. С годами

восхищение природными явлениями переросло в интерес к вероятностям и математическим формулам, способным предсказать исход событий. Финн научился давать пугающе точные прогнозы, благодаря чему легко побеждал всех в шахматах, покере и даже играх, в которых, казалось бы, все зависит от случая. Для Финна случайностей просто не существовало. Любую из них можно было подвергнуть анализу, разобрать на части и уловить закономерность – нужно только немного напрячь мозги.

Но даже Финн Клайд не мог предвидеть, что его брат Фиш свернет на плохую дорожку, попытается ограбить магазин при помощи украденной пушки и втянет в это Финна. Финн был, конечно, гением, но совсем юным. И преданным. Поэтому он не нажал на газ и не смылся, когда Фиш потребовал у хозяина-вьетnamца бабки из кассы и в ответ получил пулю в живот. Финн бросился на выручку. Фишер Клайд умер на переднем сиденье маминой машины на руках у брата. Так удача отвернулась от Финна, когда ему только-только исполнилось восемнадцать. С тех пор дела у него шли не очень, и теперь, в двадцать четыре, через шесть с половиной лет после той роковой ночи, Финн Клайд все еще оставался гением, но далеко не таким юным и преданным, и кидаться в авантюры, грозившие неприятностями, не спешил. А от Бонни за версту несло неприятностями.

Она спала, прислонившись головой к окну, обхватив себя руками, будто боялась, что вот-вот рассыплется. Худенькая, почти тощая. Сказала, что ей двадцать один, но на вид можно дать и меньше. Там, на мосту, когда Финн почти чудом увидел ее через просвет в тумане, эта фигурка, вцепившаяся в балку, показалась ему совсем детской. Он подумал, что это пацан лет четырнадцати-пятнадцати. И проехал мимо. На мосту Тобин не останавливаются. По нему и на велосипедах не ездят, и тем более не ходят пешком. Хрен знает, как он туда забрался. То есть забралась.

Финн тогда направлялся на север, в Челси. Последняя остановка, чтобы попрощаться, а потом – все. В «Блейзере» лежали все вещи, что у него были, и он уезжал из Бостона, оставляя прошлое позади. Новая жизнь, новые люди, новая работа. С чистого листа. Но эта фигурка на мосту, готовая прыгнуть, словно позвала прежнего Финна, того, который, ничего не понимая, бежал навстречу неприятностям. Он и сам не заметил, как припарковался в ремонтной зоне и побежал в обратную сторону.

Когда она заговорила, Финн понял, что ошибся. Это был не пацан, а взрослая девушка. Ее красивый тягучий голос настолько не сочетался с мешковатым балахоном и заплаканным лицом, что Финн чуть не свалился с моста от неожиданности. Потом она взглянула ему в глаза, и он увидел в них выражение, которое тысячу раз встречал за последние шесть с половиной лет. Загнанное, безнадежное, опустошенное, бессмысленное. Такие же глаза долгое время смотрели на него из зеркала. Это был взгляд сдавшегося человека.

Финн не умел красиво говорить. Он не знал, как убедить эту девчонку спуститься. Был соблазн закидать ее статистикой – он, собственно, даже попытался это сделать, начал молотить что-то про вероятные исходы. Но потом заметил ее красные сапоги на высоком каблуке. Сбежавшие из дома подростки и проститутки без гроша в кармане такие не носят. Слишком дорого они выглядели. Людям на юге Бостона, где жил Финн, наверное, и за неделю столько не заработать, сколько стоят такие сапоги. Его охватило отвращение. Он даже стал ее подначивать, думая, что девчонке просто захотелось внимания и острых ощущений и что через пару минут ее гарвардский бойфренд подкатит на крутой бэхе и уговорит подружку слезть с моста.

Не успел он договорить, как во взгляде девушки что-то изменилось, и Финн понял, что вновь ошибся с прогнозом. Она разжала руки, и он бросился к ней, словно вернувшись в то мгновение, когда у него на руках, захлебнувшись собственной кровью, перестал дышать брат. Фиш умер, но эта девушка должна выжить.

Упав, она тут же принялась вырываться и заплакала только потом, когда он протянул ей шапку. Ее волосы выглядели так, будто на нее напал маньяк с секатором. Даже если забыть о попытке самоубийства, эта прическа ясно говорила о том, что у девушки проблемы. Поэтому Финн был рад, когда она его прогнала. Но, вернувшись к «Блейзеру», он уселся на ржавый бампер, не в силах сделать выбор между собственным спасением и помощью девушке, которую оставил плачущей на мосту. Когда она внезапно возникла из тумана, Финн испытал невероятное облегчение, которое, впрочем, быстро сменилось страхом.

Девушка явно уже справилась с собой. Она больше не плакала, разговаривала спокойно, лишь на минуту поддавалась сомнениям, но потом как будто набралась решимости. Села с ним в машину. С ним, абсолютно чужим человеком. Финн едва не поморщился. И вот, пожалуйста.

Всего два часа назад он направлялся через мост в Челси, чтобы перед отъездом попрощаться с матерью. Один. Теперь же его путь лежал в Вегас, а рядом сидел непрошенный пассажир. Девушка прислонилась к дверце машины и отключилась, будто ее подстрелили из ружья-транквилизатора. Надо бы остановиться, разбудить ее, потребовать объяснений, а потом высадить где-нибудь, где ей будет удобно. Но Финн продолжал ехать, словно в трансе, с каждой милей удаляясь от Бостона и приближаясь к неприятностям, которые – он не сомневался – уже ждут впереди. А она просто спала рядом.

?

Я проснулась за секунду до падения в воду и проглотила крик, не пуская его из сна в реальность. Было холодно, у меня затекло все тело, и я понятия не имела, где нахожусь. Я резко выпрямилась в кресле и почувствовала, как с плеч сползло тонкое шерстяное одеяло. Затем окинула взглядом пыльную приборную панель, широкое лобовое стекло, сквозь которое виднелась стоянка: усталые бродяги, скамейки и придорожные кафе, слабо освещенные в предрассветной темноте. Только потом я увидела его – Клайда, не похожего на Клайда, – и все вспомнила.

Он спал на водительском сиденье, скрестив руки на груди, вытянув ноги в нишу под приборной панелью рядом с моими. В машине было холодно, как в морозилке, и Клайд уснул, не сняв шапки. Я нащупала свою, убедившись, что она на месте. В этих одинаковых облегающих шапочках мы с ним выглядели как близнецы, как парочка воров-домушников, следящих за объектом из засады. Однако на этом сходство заканчивалось. Его шапка была слегка сдвинута набок, и из-под нее торчали светлые волосы. У Клайда был волевой квадратный подбородок, заросший бородкой, которую он, судя по всему, не столько отращивал, сколько просто ленился сбривать. Почти прямой нос портила – а может, украшала – лишь небольшая горбинка. Губы, не слишком толстые и не слишком тонкие, слегка приоткрылись во сне. Я с удивлением отметила, что все эти черты складываются в приятное лицо. Клайд был симпатичным.

Бабуля была бы недовольна. Она всегда с подозрением относилась к «красавчикам». Сама ба забеременела в пятнадцать и родила моего папу. Полагаю, деда она за это так и не простила, хотя и прожила с ним тридцать лет, пока он не погиб из-за аварии в шахте, когда нам с Минни было по девять лет. Ба вернулась в Грассли в наш и без того переполненный домишко, а я начала

подрабатывать пением. Уже тогда бабуля строила большие планы.

В груди снова начала закипать ярость, моя новая лучшая подружка, которая тут же принялась мстительно перечислять бабулины грехи. Понимая, что непременно увязну в длинном списке ее недостатков, я постаралась поскорее прогнать эти мысли и снова взглянула на Клайда. Следовало позвонить бабушке и сказать, что со мной все в порядке. Но я уже знала, что не сделаю этого. Пускай беспокоится, мне плевать. Пускай расстраивается. Ее желания меня больше не интересуют. До недавних пор она получала все, что хотела. Переживет.

Наверное, я должна была испугаться, проснувшись в темной машине рядом с незнакомцем по имени Клайд. Никто не знал, где я, – черт возьми, да я и сама не знала. По правде сказать, я даже не понимала толком, кто я такая, и впервые за много лет мне было все равно. Что-то внутри меня перевернулось и снова улеглось. Мой план сорвался, но, может, так даже лучше. Я отпустила прошлое и словно попала в другое измерение, где осталась только я, как есть, в мешковатой толстовке, с бабулиной сумочкой, набитой деньгами. Это был новый мир, который дарил новые возможности и надежду обрести покой. Я словно избавилась от тяжелого груза. Освободилась.

К тому же Клайд укрыл меня одеялом. Не попытался облапать меня, не убил во сне. Два очка в пользу Клайда. Три, если считать то, что случилось на мосту. Я почувствовала, как на моем лице расплывается глупая улыбка, а поселившаяся в сердце злость уходит вместе с голосом совести, этим надоедливым сверчком, повторяющим, что пора позвонить бабуле и сдаться.

– Ты меня пугаешь, – вдруг произнес Клайд хриплым спросонья голосом.

Я подскочила на месте и вцепилась в приборную панель, словно внезапно оказалась на американских горках в вагонетке, несущейся вниз.

– Похоже, я тебя тоже напугал, – пробормотал Клайд, убирая ноги из ниши и натягивая шапочку на лоб.

– А чем я тебя пугаю? – спросила я, и мой голос дрогнул.

– Ты смотришь в пустоту и улыбаешься без причины. Как-то стремно.

- Не без причины. Есть причина. - Я пожала плечами. - Сколько я проспала?

- Долго. Я едва успел въехать в Челси, развернуться и переехать мост обратно в Бостон, как ты уже отключилась. Из города пришлось выбираться почти час - по моему, в «ТД-гарден» закончился какой-то большой концерт. Жуткие пробки. Потом я еще несколько часов ехал по шоссе и остановился здесь примерно час назад, чтобы вздремнуть.

Я постаралась не слишком ерзать на сиденье. Пробка вокруг «ТД-гарден» образовалась по моей вине.

- А «здесь» - это где? - поинтересовалась я.

- Только проехали тоннель «Масс Пайк», скоро будем в Нью-Йорке.

- То есть мы еще в Массачусетсе?

- Ага, но уже на границе. - Он замолчал, уставившись вперед. И я почему-то точно знала, что он подумал: пока мы в Массачусетсе, еще не поздно вернуться. - Я никогда не выезжал за пределы штата, - неожиданно сказал он. - Это будет в первый раз. - Клайд медленно повернулся ко мне. - А ты? - Он посмотрел мне в глаза, дожидаясь ответа.

- Для меня это тоже впервые. В смысле, я впервые в Массачусетсе.

- И долго ты тут пробыла?

- А который час?

Клайд взглянул на часы, подставив циферблат под бледный свет уличного фонаря на стоянке. Вообще-то никто уже давно не носит наручные часы. Но Клайд, похоже, об этом не знал.

- Четыре утра.

- Что ж, значит, я провела в Массачусетсе около суток.

Наш кортеж въехал в Бостон вчера рано утром: в одном автобусе я, бабуля и все, кто делал из Бонни Рэй Шелби красотку, в другом – моя группа и техники по звуку, в третьем – бэк-вокалисты и подтанцовка. Плюс еще два фургона с оборудованием и декорациями. В организацию тура «На осколки» вложили очень много труда. А я умудрилась рассыпаться на осколки в обычной толстовке, джинсах и сапогах. И еще шапочке Медведя. О ней тоже не следует забывать. Надо было сразу сказать, что незачем тратиться на всю остальную чепуху.

Клайд тихо и длинно выругался, растягивая один слог на несколько.

– И что же за хрень с тобой приключилась в эти двадцать четыре часа, что ты решила сброситься в Мистик?

– Может, я бы и не прыгнула в конце концов, – помолчав, сказала я, потому что не знала, как ответить на этот вопрос, не выложив всю историю своей жизни.

– Ты прыгнула. Но я не об этом спрашивал, Бонни, – мягко возразил Клайд.

– Другого ответа у меня нет, Клайд.

– Тогда нам с тобой придется расстаться.

– Ну-ка повтори.

– Нам с тобой придется расстаться, – твердо произнес Клайд, и его глаза холодно сверкнули в полумраке.

– Мне нравится твой акцент. Ты глотаешь окончания. Скажи еще раз.

– Какого хрена, а? – выдохнул Клайд, возмущенно вскинув руки.

– Нет, это не прикольно. Эту фразу ты говоришь так же, как я. Ка-ко-го хре-на! – прокричала я. – Видишь? Абсолютно так же.

– Я на это не подписывался, – тихо пробормотал Клайд и провел ладонью по лицу.

На меня он не смотрел, и я поняла, что перегнула палку. Неужели так трудно вовремя заткнуться? Я всегда пыталась свести все к шутке или сменить тему, когда мне было неприятно. Так я справлялась с нервами. Когда Минни заболела, я целыми днями старалась ее рассмешить. Ее – и всех остальных. А когда у меня перестало получаться, я поддалась на уговоры бабули «выручить семью» другим способом – зарабатывая деньги. Да, кстати, о деньгах. Я приподняла бабулину сумочку.

– У меня есть деньги. Я готова заплатить за дорогу до Вегаса. – Я вытащила из кошелька пачку купюр и помахала ими у Клайда перед носом.

Глаза у него округлились.

– Тебе не двадцать один, ты гонишь. – Он отпихнул мою руку. – Двенадцать, не больше.

– Я родилась первого марта тысяча девятьсот девяносто второго года, – возразила я, повысив голос вслед за Клайдом. – Вот тебе ответ. Еще вопросы?

– Взрослая девушка не станет размахивать купюрами перед незнакомым человеком. Ты же понимаешь, что беззащитна? Я могу отнять деньги, выкинуть тебя из машины и уехать. И хорошо еще, если так! Ты сейчас очень глупо поступила, девочка. Очень глупо! – Его лицо выражало шок и ярость.

Я знала, что он прав. Умом я никогда не отличалась. Ба вечно мне об этом твердила. Потому-то я и стала певицей. Для того чтобы петь, много ума не нужно.

– Ты прав. Я глупая. Как пробка. И мне нужно в Вегас. – Мой голос жалобно задрожал, и это, похоже, подействовало намного лучше, чем попытки рассмешить Клайда или сменить тему.

Он издал стон и снова потер лицо руками.

– У тебя есть деньги, причем, похоже, много. Почему бы не арендовать машину?

– У меня с собой ни прав, ни кредитки.

- Поезжай на автобусе!

- Меня могут узнать, - ляпнула я, не подумав, и тут же об этом пожалела.

- О, ну теперь-то я спокоен! - рявкнул он. - Слушай, малыш, тебе придется все выложить. Я не про деньги, - добавил он, когда я протянула ему купюры. - Мне нужна информация! Я никуда тебя не повезу, если ты не убедишь меня, что это не опасно.

- Я бы предпочла, чтобы ты не знал, кто я.

- Да, я так и понял, когда ты представилась как Бонни.

- Меня правда так зовут.

- А фамилия?

- А ты мне скажешь свое имя?

- Мы в моей машине, так что вопросы задаю я.

Я закусила губу и отвернулась. Видимо, выбора у меня не осталось.

- Шелби, - тихо произнесла я. - Моя фамилия Шелби.

- Бонни Шелби, - повторил Клайд. - И сколько тебе лет, Бонни Шелби?

- Двадцать один! - процедила я сквозь зубы. Может, не так уж мне и нужно в этот Вегас?

- К сожалению, Бонни Шелби, ты не можешь представить мне никаких доказательств.

- Заводи машину.

– Мы никуда не поедem, малыш.

– Просто заведи. Я тебе докажу. Только обещай, что не будешь потом странно на меня смотреть.

– Странно? Это я-то? Я, в отличие от тебя, с мостов не прыгал, не улыбался как чокнутый и не пытался уехать в Вегас с незнакомым человеком, – ответил Клайд, поворачивая ключ зажигания.

Старенький «шевроле» с ревом ожил, я врубила радио и покрутила переключатель, пока не нашла радиостанцию с кантри-музыкой.

– Ты вообще слушаешь кантри? – спросила я, очень надеясь на обратное.

– Нет.

– Я так и думала.

Хантер Хейз пел о том, как помочь девушке почувствовать себя желанной. Я дослушала песню до конца. Мы с Хантером познакомились в прошлом году на церемонии вручения наград Ассоциации кантри-музыки. Он оказался очень милым и добрым, и я даже подумала, что было бы здорово пригласить его спеть на разогреве во время тура «На осколки». Но ба решила иначе, так что моя идея ни во что не вылилась.

Вслед за Хантером зазвучала Кэрри Андервуд, и я вздохнула. Глупо было надеяться, что мои песни окажутся в эфире как раз в нужный момент. Я снова прошлась по каналам, а потом выключила радио.

– Не получится. Мне нужна твоя гитара. Я надеюсь, все струны на месте?

Клайд озадаченно уставился на меня:

– Ага. Но на ней лет десять никто не играл. Да и то, что было раньше, игрой не назовешь. Она совсем расстроена.

Я перебралась на заднее сиденье, достала гитару и вернулась вперед. Проще было, конечно, выйти из машины и дойти до багажника, но я боялась, что, стоит мне высунуться из салона, как Клайд тут же уедет. Он смотрел на меня с растущим недоверием.

Я расстегнула молнию, вытащила гитару из чехла и, оставив его на заднем сиденье, перетащила инструмент вперед. Пришлось потратить минуту-другую, по очереди дергая струны и подкручивая колки. Гитара была настолько расстроена, что каждая извлеченная из нее нота походила на стон.

– Ты умеешь настраивать без тюнера?

– Я, может, и глупая, зато Господь наградил меня абсолютным слухом, – будничным тоном сообщила я.

Клайд в ответ лишь приподнял брови – то ли сомневался в моем абсолютном слухе, то ли не верил, что это дар Господа.

– Ну вот, моя милая, – проворковала я, взяв на пробу несколько аккордов, – совсем неплохо для девочки, которая отвыкла от чужих рук.

Клайд едва слышно выругался. Я сделала вид, что ничего не заметила, и начала играть вступление к одному из моих недавних хитов. Даже если Клайд ничего не понимал в кантри, он вполне мог слышать эту песню. Она вошла в саундтрек популярного летнего блокбастера и пока оставалась моим самым большим успехом на стыке жанров. Мы так часто играли эту вещь, что меня от нее уже тошнило.

Песня, как и сам блокбастер, называлась «Машина». По сюжету фильма Землю захватили пришельцы, полумашины-полулюди с другой планеты. Один из них влюбляется в земную девушку и вынужден выбирать, кем быть, человеком или машиной. Моя песня, наполненная горько-сладкой печалью, служила противовесом для динамичной экшен-сцены, подводившей сюжет к кульминации: пришелец жертвует собой ради девушки, которая не верит, что тот способен на чувства. Она слишком поздно осознает, что он вовсе не бездушная машина. Америка с удовольствием проглотила эту историю. Я надеялась, что Клайд ее тоже оценит.

– Я всего лишь машина, – пела я, – Железный скелет, Ни биения сердца, ни жалости нет. Я не знал никогда, что такое любовь. Ты не мыслишь, как я, ты глядишь сквозь меня, И в твоей доброте слишком мало огня. Почему же я здесь и у ног твоих вновь?

Клайд смотрел на меня, не двигаясь, положив руки на руль. Я не могла угадать его мысли, поэтому продолжала петь, переходя к бриджу[1 - Бридж (англ. bridge – «мост») – связующее звено между припевом и куплетом (здесь и далее примечания редактора).], после которого следовал припев.

– Я прикрою тебя. Если хочешь – умру, А в ответ ты меня позабудешь к утру. Я растаю в ночи с отголосками сна – Просто шрам от осколка, зазор на судьбе. Если я бесполезен, зачем я тебе? Для чего тебе эта машина нужна?

– Я слышал эту песню. – Судя по тону, я не произвела на него большого впечатления.

– Знаешь, кто ее поет?

Клайд покачал головой.

– Бонни Рэй Шелби, – сказала я.

– Хочешь сказать, это ты и есть? – Он явно мне не верил.

– Да, это я, хотя дома меня зовут просто Бонни.

– Так что же Бонни Рэй Шелби делала на мосту Тобин вчера вечером?

– Вчера вечером я выступила в «ТД-гарден». Это был последний концерт. Все закончилось. – Я говорила быстро, понимая, что Клайду мои слова все равно покажутся бессмыслицей. – Я села в такси. Велела водителю ехать. Мне просто нужно было немного свободы, понимаешь?

– И что, таксист просто взял и высадил тебя на мосту?

– Я не оставила ему выбора. Открыла дверь на ходу и потребовала остановиться. Он живо нажал на тормоза. Наверное, был даже рад от меня избавиться.

Мы помолчали. Клайд, похоже, обдумывал услышанное. Я же тем временем беззвучно скользила по ладам пальцами левой руки, перебирая струны и пробуя взять аккорды. Но играть я не стала. Решила не мешать Клайду. Наконец он вздохнул и откинулся на спинку сиденья.

– Это все равно не доказательство. Я ничего не знаю про Бонни Рэй Шелби. Может, тебе еще восемнадцати нет.

Я вздохнула.

– Телефон-то у тебя есть? Загугли меня.

Вообще-то я бы предпочла обойтись без этого. Хотелось просто ехать дальше. Все дальше и дальше, не оборачиваясь. Но, скорее всего, как только Клайд поймет, что перед ним действительно Бонни Рэй Шелби, вместо меня он увидит гору денег. Этим всегда все заканчивалось.

Клайд сунул руку в карман и вытащил телефон. Это была древняя раскладушка.

– Ты мне вот этим предлагаешь загуглить?

– М-м. Нет. Откуда у тебя такой? Из музея?

– Мама очень не хотела, чтобы я ехал без телефона. Вот и всучила мне его.

– Она тебя ненавидит, что ли?

Клайд затолкал телефон в карман и встретился со мной взглядом. Мне тут же стало стыдно. Пошутила, называется. Я готова была отрезать свой длинный язык. Выражение лица Клайда заставило меня задуматься. Странно было видеть такие грустные, усталые глаза на лице совсем молодого парня. Может, у меня самой тоже такой взгляд?

– Сколько тебе лет?

- Двадцать четыре, - ответил он.

Я кивнула, как будто соглашаясь с его словами. Глупо, конечно. Скажи он «двадцать три» или «двадцать пять», я бы все равно кивнула.

- Ты не причинишь мне зла, Клайд?

Он отшатнулся, высоко подняв брови, словно не ожидал вопроса.

- Не разрежешь на маленькие кусочки? Не будешь принуждать к каким-нибудь мерзостям?

Его глаза широко раскрылись, а потом Клайд издал короткий смешок и провел рукой по лицу. Видимо, он всегда так делал, когда не знал, что сказать.

- Нет? - упрямо уточнила я.

- Ты очень странная девушка, Бонни, - пробормотал он. - Конечно же, нет. Я не собираюсь резать тебя на кусочки и вообще причинять тебе какой-либо вред.

- Я так и подумала. Человек, способный на такое, не станет изображать из себя спасителя и уговаривать незнакомку спуститься с моста. Хотя ты меня не особенно-то и уговаривал. Просто спихнул. Кстати, спасибо. - Горло у меня сжалось, и я с трудом сдержала внезапно нахлынувшие чувства. - Я тоже не причиню тебе вреда, Клайд. Мне просто нужно уехать. За дорогу заплачу, со мной не скучно, могу иногда подменять тебя за рулем, чтобы ты отдохнул.

Внезапно я сообразила, что в сумочке мог остаться бабулин телефон. Я открыла ее, отодвинула в сторону пачку купюр и залезла в большой карман на молнии, где ба обычно держала «Тик-так» и помаду. На дне действительно обнаружился телефон. На нем был выставлен режим вибрации. Экран показывал тридцать пропущенных звонков и вдвое больше сообщений. Бабуля явно догадалась, что ее сумка у меня. Просматривать вызовы и сообщения я не стала. Вместо этого зашла в поисковик и набрала свое имя. Открыв несколько четких фотографий, я протянула телефон Клайду.

- Видишь?

Он взял телефон и посмотрел на снимки. Потом включил верхний свет, чтобы получше разглядеть мое лицо. Несколько секунд он переводил взгляд с меня на экран и обратно, потом протянул руку и стянул с меня шапочку.

- Что ты сделала с волосами?

- Не нравится?

По его губам скользнула едва уловимая улыбка.

- Нет.

Я выхватила у него телефон, перешла еще по нескольким ссылкам и нашла биографию Бонни

Рэй Шелби. В самом верху была указана дата моего рождения: первое марта тысяча девятьсот девяносто второго года.

- Тут все, что тебе нужно знать обо мне, в том числе возраст. Абсолютно достоверная информация из интернета. Может, там есть даже то, чего я сама о себе не знала.

Клайд снова взял телефон и начал читать открытую мною страницу. Читал он долго. Очень долго. Мне стало неловко, я отвернулась и принялась перебирать струны гитары, надеясь, что в этой так называемой биографии не написали ничего фантастического – например, о моих несуществующих романах или дебошах, которые я, увы, не имела никакой возможности устраивать.

- Клайд?

Он поднял голову, оторвавшись от чтения.

- Все сплетни изучил? А то я проголодалась. И хочу в душ. И знаешь, мне, пожалуй, тоже не нравится эта стрижка.

Тожжество

ДУШ ОНИ НЕ НАШЛИ, зато по пути обнаружилась забегаловка с блинчиками. Бонни набросилась на свою порцию, как голодный зверь, но не съела и половины – похоже, ей и этого было предостаточно. Она с сожалением посмотрела на остатки огромной золотистой стопки на тарелке. Клайд, не сводя взгляда со своей спутницы, проглотил все блинчики до последнего и запил тремя стаканами молока. Бонни очень настойчиво предлагала заплатить за них обоим, и он решил уступить. Если она действительно Бонни Рэй Шелби, денег у нее должно быть предостаточно. Но есть за ее счет Клайду было неприятно. Он тут же почувствовал себя маленьким и слабым – совершенно невероятное ощущение при росте под метр девяносто. Оно напомнило Клайду о временах, когда при виде несправедливости он предпочитал отвернуться и промолчать, чтобы самому лишней раз не попасть под удар. Это ощущение ему не нравилось, поэтому он мысленно пообещал себе, что больше никогда не позволит Бонни платить за еду.

После завтрака они нашли «Волмарт». Бонни металась между полками, хватая все подряд, пока Клайд не сказал ей, что багажник не резиновый. Тогда она посмотрела на содержимое корзины с таким же сожалением, с каким смотрела на недоеденные блинчики, и выложила часть. Впрочем, Бонни все равно вышла из магазина с кучей пакетов: в них были джинсы, футболки, еще одна шапочка и пуховик, белье, на которое Клайд старался не обращать внимания, и еще множество женских штучек, при виде которых он порадовался, что родился мужчиной. Еще она взяла пару спортивных сумок, в которые затолкала покупки, прежде чем забросить их на заднее сиденье. Для девушки, которая меньше двенадцати часов назад пыталась покончить с собой, Бонни вела себя слишком уж весело и беззаботно. Это беспокоило Клайда даже больше, чем то, что за ним, судя по всему, увязалась беглая поп-звезда, которая по необъяснимым причинам полностью ему доверяет.

– Остался последний пункт, – сказала она, глядя на Клайда так, будто не сомневалась, что он ей непременно откажет. Тот в ответ только вздохнул. – Вон там есть салон. – Она показала на торговые ряды напротив «Волмарта», где виднелась вывеска парикмахерской «Быстрые ножницы». – Мне нужно привести в порядок волосы. Не могу же я все время ходить в шапке.

Было уже девять утра. На завтрак и покупки ушло три часа, а до этого они еще два часа ехали.

К тому же Клайд провел за рулем всю ночь. Он уже начинал злиться и думал лишь о том, как бы доехать до ближайшего дешевого отеля и завалиться спать на целых восемь часов. Но, если сейчас немного вздремнуть, станет полегче.

- Ладно. Иди стричься, а я пока часок посплю.

Клайд остановил машину возле салона и заглушил двигатель. На парковке было пусто. Хорошо. Значит, Бонни управится быстро.

- Ты же не уедешь, пока я там? - спросила она, едва коснувшись ручки дверцы.

- Не уеду.

- Обещаешь?

- Обещаю.

Бонни закусила губу, вглядываясь в глаза Клайда, словно пытаюсь понять, можно ли ему верить.

- Отдашь мне ключи? - Ее слова прозвучали так тихо, что он сначала даже не поверил, что правильно их услышал.

А потом едва не рассмеялся. Девчонка-то, оказывается, с характером. Клайд достал ключи из замка зажигания и вложил ей в руку.

- Держи. Иди уже. Я тебя дождусь. Ты купила бензин - считай, заплатила за проезд. Без тебя не уеду.

Бонни благодарно улыбнулась, бросила ключи в сумочку и молча вышла из «Блейзера». Клайд опустил спинку кресла, скрестил руки на груди и почти мгновенно заснул.

Примерно через час его разбудили взволнованные голоса. На тротуаре возле «Быстрых ножниц» собралась группка женщин.

– Бриттани говорит, что она там!

– По-твоему, такая, как она, пришла бы сюда стричься?

– Не знаю, но Бриттани уверена, что не ошиблась!

Подружки прильнули к окнам, пытаясь рассмотреть внутри что-то, чего не было видно через большие стеклянные двери заведения. Спустя секунду на парковке рядом с «Блейзером» остановился белый фургон с логотипом четвертого канала на боку и спутниковой тарелкой на крыше.

– Твою ж мать, – выдохнул Клайд, наконец сообразив, что происходит: это из-за нее, Бонни Рэй, вокруг собралась толпа зевак. В десять утра, всего час пробыв в салоне, она умудрилась собрать вокруг себя толпу. Все, побег накрылся.

Клайд открыл дверь, наклонился, засунул руку под «Блейзер» и пошарил в поисках коробочки с ключами, которую закрепил там на всякий случай. Она нашлась почти сразу. Он завел машину и незаметно отогнал ее от дешевой парикмахерской. Никто из зевак не обратил на него внимания. На секунду Клайд задумался, не лучше ли уехать. Ему не хотелось ввязываться во все это. Но Бонни оставила сумки на заднем сиденье и заплатила за бензин. И потом, он обещал ей, что не уедет.

Клайд стукнул кулаком по рулю, злясь на собственную совесть. Ну и что? Захочет – купит себе еще две сумки тряпок. И он ей на самом деле не нужен. И вообще, она втянет его в неприятности. А Финн Клайд по горло сыт неприятностями, которые свалились на него за последние семь лет. Но ведь он обещал, что не уедет!

Клайд снова выругался, но все же объехал торговые ряды и остановился у въезда в переулочек позади павильонов. Здесь еще не было ни зевак, ни телекамер, но он знал, что это ненадолго. Не один Клайд такой умный. Если припарковаться в переулочке, его очень быстро запрут фургоны телевизионщиков. К тому же, пока «Блейзер» стоит здесь, он перегораживает поворот. Клайд выскочил из «шевроле» и побежал вдоль рядов, отсчитывая двери, на ходу

вычисляя, какая из них ведет в салон. Дверь оказалась закрыта, и он заколотил по ней, выкрикивая:

– Бонни!

Ему открыли почти сразу, как будто кто-то с той стороны ждал стука. Девушка плотного телосложения с волосами, похожими на мех скунса, прижимая к уху телефон, окинула Клайда настороженным взглядом, а потом высунула голову наружу, осматривая улицу за его спиной.

– Вы с Пятого канала? – спросила она, недоверчиво приподняв нарисованные брови. – А где камера? У меня обещали взять интервью для новостей.

Клайд оттолкнул ее и ворвался в салон. Пнув ведро со шваброй, стоявшее на пути, он распахнул еще одну дверь и оказался в большом помещении. Вдоль одной стены стояли раковины и табуретки, вдоль другой – столики с зеркалами и креслами. Бонни сидела лицом к своему отражению. Судя по всему, она была единственной посетительницей. Ее голову теперь украшала шапочка темных, коротко остриженных волос. Увидев в зеркале Клайда, Бонни широко раскрыла глаза в изумлении. Девушка, сушившая ей волосы, беззаботно болтала, перекивая гул фена. Не исключено, что обе ничего не знали о толпе, собравшейся на улице. С места, где сидела Бонни, не было видно, что творится за окном.

– Клайд? – едва слышно произнесла она.

Тот в несколько шагов пересек помещение, сорвал с Бонни черный фартук и выдернул ее из кресла.

– Кажется, кто-то обзвонил подружек и рассказал им, что некая известная певица решила постричься, – коротко объяснил Клайд.

Бонни молча схватила сумочку, вытащила несколько купюр и бросила их испуганной, заикающейся парикмахерше, которая все еще сжимала в руке ревуший фен.

– Это не я, – пискнула девушка, пытаюсь собрать падающие купюры, но вместо этого раздувая их в разные стороны.

– Выйдем через черный ход. – Клайд схватил Бонни за руку, и они кинулись в подсобку.

Девушка широко раскинула руки, пытаюсь преградить им путь.

– Сюда нельзя! Это незаконно! – отчаянно заверещала она, вцепившись в руку Клайда, когда тот уже вырвался на улицу.

Он толкнул Бонни вперед и стряхнул с себя цепкие пальцы, но девушка снова попыталась схватить его. Клайд увернулся, резко взмахнув рукой, и услышал звук удара. Поняв, что случайно задел работницу салона, он в ужасе оглянулся. Девушка, покачиваясь, отшатнулась, прижимая ладонь к щеке.

– Ты меня ударил! – закричала она.

– Клайд! Бежим! – Бонни потянула его за собой. – Клайд!

Работница парикмахерской наклонилась, чтобы подобрать упавший телефон. Похоже, она не настолько пострадала, чтобы упустить шанс сделать пару снимков или позвонить кому-нибудь еще. Клайд повернулся и побежал вслед за Бонни к началу переулочка, где стоял «Блейзер». Как раз в тот момент, когда они запрыгнули на переднее сиденье, из-за угла появился фургон Пятого канала, который так ждала работница салона. Бонни захлопнула дверь и уткнулась лицом в колени, а Клайд надавил на газ, резко свернул направо и полетел по улице.

– Что это за хрень? – прошипел он, не в силах поверить, что существуют новостные каналы, готовые выслеживать кантри-певицу в салонах красоты. Неужели так бывает всегда, стоит Бонни показаться на людях?

– Просто гони не глядя, Клайд! – глухо произнесла она, не поднимая головы от коленей.

Он подчинился, сворачивая на углах так резко, что скрипели тормоза, и выбирая улицы поуже, пока не почувствовал, что его немного укачало. К тому же Клайд понятия не имел, где они сейчас находятся. Бонни уже не прятала лицо, но в ее широко раскрытых глазах застыл испуг. Дрожащими руками она пригладила недавно уложенные волосы. Похоже, Бонни и сама не понимала, что происходит. Клайд был бы рад пообещать, что не даст ее в обиду. Но вместо этого он молча продолжил кружить по лабиринту улиц, пока не выехал обратно на шоссе.

– Прости меня, Клайд. Я должна была это предвидеть, – внезапно сказала Бонни. – Я-то думала, что все хитро провернула. На всякий случай заперла дверь салона, когда вошла. Там замок просто поворачивался. Никто не видел, как я его защелкнула. Подумала, оставлю большие чаевые за то, что лишила их других клиентов. Но я никак не ожидала, что меня узнают. Поверить не могу! Наверное, из-за толстовки. Надо было переодеться.

– Если бы ты не заперла дверь, вся толпа успела бы вломиться в салон. Повезло, что вторая парикмахерша ждала журналистов у задней двери. Ей пообещали интервью. А что, с тобой всегда так, стоит выйти на улицу?

Бонни помотала головой.

– Нет. Не всегда. Не понимаю, с чего все это. Когда меня где-то ждут, конечно, собирается толпа. Или если место совсем уж людное. Но обычно это поклонники, а не телевизионщики. Репортеры за мной бегают только на важных мероприятиях и больших тусовках.

Бонни выпрямилась, опустила солнцезащитный козырек и посмотрела на свое отражение в зеркале, однако почти сразу отвела взгляд и откинула козырек назад. Ее волосы теперь были острижены под мальчика и имели шоколадный оттенок. Короткие неровные пряди в стиле «пикси» обрамляли большие темные глаза. В Бонни уже трудно было узнать девушку, которую Клайд видел в ролике на «Ютубе»: там она скакала по сцене с копной светлых локонов на голове, размахивая одной рукой и сжимая микрофон в другой.

– Кажется, репортеры не успели ничего сфотографировать. Думаю, мы вовремя смылись. Они, может, и не поняли, что это я в «Блейзере», – с надеждой в голосе произнесла Бонни. Она наконец посмотрела на Клайда – впервые с тех пор, как они оторвались от преследователей.

Он встретился с ней взглядом и увидел, как надежда вновь сменилась страхом. Вдруг Бонни услышала вопрос:

– Так что случилось вчера вечером?

?

– Ты не хочешь меня где-нибудь высадить, Клайд? Я пойму, – произнесла я, внезапно смирившись с дикостью всей этой ситуации. Я нащупала в бабулиной сумке телефон и увидела, что количество пропущенных звонков и сообщений выросло до пугающих масштабов. – Я позвоню Медведю и скажу, где меня искать. Он меня заберет, а ты сможешь спокойно ехать дальше.

– Кто такой Медведь?

– Официально? Мой телохранитель. Неофициально – мой друг.

– Тогда почему ты вчера не уехала с Медведем?

– Он бы меня не пустил. Ты же помнишь, вчера я поддалась унынию и усталости и хотела умереть. А сегодня... сегодня я чувствую, что меня все достало, я очень зла и хочу убить кого-нибудь другого. – Эта фаза мне нравилась намного больше. – Медведь приедет за мной, стоит только позвонить. Но он не поможет мне сбежать. Станет меня отговаривать, постарается подбодрить, как всегда, скажет, что мне просто нужно время...

– Время? Для чего? – снова встрял Клайд, а я опять попыталась ускользнуть от ответа.

– Время лечит любые раны, верно? Так ведь говорят? У нас в Грассли жила старуха, ее называли Энни с Аппалачей. Она всегда повторяла: «Раны-то оно лечит, но пластической операции от него не жди».

– Какие раны, Бонни?

– Ты что, хочешь послушать нытье несчастной поп-звезды?

– Ага. Хочу.

– Хорошо, Клайд, покажу тебе свои раны, но только если ты покажешь свои. Начнем с твоего имени. Честно говоря, я уже привыкла к Клайду, но хотелось бы знать имя, чтобы я потом могла прислать тебе цветы и открытку со словами благодарности. Все же ты меня не бросил в этом проклятом салоне с женщиной-сунсом, хотя у тебя, как я поняла, были вторые ключи и ты мог в любой момент уехать.

Я вытащила ключи, что он дал, из бабулиной сумочки и кинула их Клайду. Он поймал их на лету, почти не глядя, и бросил в пепельницу, которая служила универсальным хранилищем фантиков, монеток и даже крышечек от бутылок.

– Финн. Меня зовут Финн.

– Типа Гек Финн?

– Инфинити. Типа «бесконечность».

– Инфинити?! Родная мама назвала тебя Бесконечность Клайд? – Я была в шоке. Ну точно, мать его ненавидит. Это чуть ли не хуже моего собственного имени.

– Нет. Это отец придумал. Мама выбрала имя для брата, ну а папе пришлось искать для меня, и в кои-то веки мать не стала спорить. Но оба все равно звали меня Финном.

– Так почему Инфинити?

– Я родился восьмого августа. Две восьмерки. Мой отец математик. Решил, что восьмерки – это знак. А цифра восемь похожа на знак бесконечности, так что...

– Вау! А я-то думала, это у нас в семье имена дурацкие! Моего старшего брата зовут Кэш в честь Джонни Кэша, среднего – Хэнк в честь Хэнка Уильямса, а сестру звали Минни в честь единственной и неповторимой Минни Перл.

– А Бонни Рэй откуда?

– Меня назвали в честь обеих бабушек. – В моем голосе невольно зазвенела обида, и я помотала головой, словно могла стряхнуть это чувство. – Бонита и Рэйна. В свидетельстве о рождении и в правах у меня написано «Бонита Рэй Шелби». К счастью, Бонитой меня никто никогда не называл.

– Ну ладно, я рассказал про Финна. Теперь твоя очередь, – потребовал он.

– Как скажешь, Гекльберри, – ответила я с нахальной улыбкой, радуясь, что с таким именем его будет легко дразнить. Может, потому он и представлялся Клайдом. – По знаку зодиака я Рыбы, люблю долгие прогулки на пляже, закаты и романтические ужины.

Клайд вздохнул и покачал головой. Моя ирония его не впечатлила.

– Ты сказала, что твою сестру звали Минни. А теперь ее так не зовут?

Улыбка сползла с моего лица. Слишком трудно было бы ее удержать.

– Она была и всегда будет Минни, но в октябре прошлого года она умерла. – Я пожала плечами, как будто время уже исцелило эту рану и не оставило уродливого шрама, вопреки заверениям старой Энни.

– Понятно. – Клайд не стал говорить слова соболезнования. Он просто уставился на дорогу, и только тогда я заметила, что мы уже вернулись на шоссе. По обе стороны стеной проносились деревья, так что в поле зрения оставались лишь мы сами, дорога за спиной и бегущая вперед бесконечная черная лента шоссе.

– Ты что, по-прежнему готов взять меня с собой? – изумилась я.

– А ты этого хочешь?

Я снова посмотрела на него, пытаюсь понять, нет ли в его словах двойного смысла, какого-то подвоха, который я не заметила, сигнала тревоги, призывающего меня свернуть с пути, пока не поздно.

– Финн! – Мне понравилось его имя. Оно казалось одновременно странным и очень подходящим. Это было причудливое имя, которому самое место в сказке

про Питера Пэна. Сам же Финн Клайд, широкоплечий, заросший щетиной, немного пугающий, совсем не казался причудливым. И все же его имя удивительным образом сочеталось со всем этим.

- Да? - отозвался он.

- На самом деле я не хочу умирать.

Клайд перевел взгляд с дороги на меня, внимательно всмотрелся в мое лицо, а потом опять уставился вперед.

- Я просто потеряла желание жить, - объяснила я. - Но мне, возможно, удастся его вернуть. Просто нужно сменить обстановку, понять, кто я такая и чего хочу. Поэтому - да, я хочу поехать с тобой.

Финн коротко кивнул, и на несколько минут повисло молчание.

- Твоя сестра... она была старше или младше тебя? - спросил он.

- Младше. На один час.

Финн резко повернулся ко мне. Его лицо выражало шок.

- Что? Мы близняшки, - объяснила я, озадаченная его реакцией.

- Идентичные? - Голос Клайда звучал как-то странно.

- Да. Зеркальные. Слышал про такое?

Финн кивнул, но выражение его лица стало совершенно непроницаемым, и я подумала, что стоит, наверное, объяснить.

- Если мы вставали друг напротив друга, то как будто смотрелись в зеркало. У нас все было в точности противоположно. Видишь родинку у меня на правой щеке? - Я коснулась ее пальцем, и Финн невольно уставился на мое лицо. - У Минни была точь-в-точь такая же, в том же месте, только на левой. Я пишу

правой рукой, Минни писала левой. У нас даже пробор на голове был зеркальный. Мы об этом особенно не задумывались, пока в старшей школе не началась биология. В учебнике была целая глава про близнецов. Мы очень удивились, когда узнали, что для нас есть специальное название.

– Зеркальные близнецы, – тихо произнес Финн.

– Ага, – кивнула я. – У всех идентичных близнецов яйцеклетка делится пополам, у зеркальных тоже, но позже, чем обычно. Намного позже. Из правой половинки получается один близнец, из левой – второй. – Я прекрасно помнила, что было написано в учебнике. Я была половинкой. Мы с Минни составляли единое целое. Разве такое забудешь?

– Как она умерла?

Я отвернулась к окну и решила выложить все как есть.

– Минни умерла от лейкемии. Болезнь обнаружили, когда нам было пятнадцать. В какой-то момент она даже поправилась. Наступила ремиссия. А два года назад ей опять стало хуже, вот только вся семья делала вид, что ничего страшного не происходит, чтобы я продолжала петь, ездить на гастроли и зарабатывать деньги. Это была моя обязанность – зарабатывать.

– Тебя не было рядом, когда ее не стало? – Финн говорил тихо, почти трепетно.

– Не было, – ответила я без всякого выражения, глядя в окно и надеясь, что проносящиеся мимо деревья сметут бурю чувств, закипавшую под жесткой коркой слов. – Мне сказали только после похорон. Неделя прошла. Я, видишь ли, была на гастролях. Бабушка не хотела, чтобы я отменила концерты. Речь шла о больших деньгах. Билеты были раскуплены, инвесторы уже вложились. Ясно же, что это намного важнее, чем похороны Минни и мои чувства.

Ярость внезапно вернулась, и я резко втянула воздух ртом, чтобы погасить гнев в груди. Но всем известно: чтобы потушить огонь, нужно лишить его кислорода. Воздух, наполнивший мои легкие, только раздул пламя. Захлебываясь злобой, боясь повернуться, я запоздало зажала рот рукой. Может, у меня из ушей уже повалил дым. Ярость обжигала, и я принялась остервенело крутить ручку на двери «Блейзера», чтобы опустить стекло. Ледяной воздух ворвался в салон,

покусывая меня за щеки. Клайд ничего не сказал, не попытался перекричать шум, жалуясь на холод. Я закрыла глаза, представляя, как ветер уносит меня прочь. Но стоило мне высунуть голову в окно, и с меня тут же сорвало шапочку Медведя. Она полетела по шоссе, и я поняла, что потеряла ее окончательно – точно так же, как Минни.

Мне вдруг захотелось выбросить из окна остальные вещи. Похватать все, что попадется под руку, и вышвырнуть из машины. Словно это помогло бы мне освободиться. Примерно так же я себя чувствовала, когда уродовала собственные волосы в примерке. Но я знала, что этого делать нельзя. Я не могу просто так выкинуть только что купленную одежду. И вещи Финна тем более. Нужно взять себя в руки. Я вцепилась в ручку и начала крутить ее в обратную сторону, следя за сужающимся просветом, вслушиваясь в затихающий рев ветра. Наконец окно закрылось, и шум исчез. Я покосилась на Финна. Тот смотрел прямо вперед и ждал. Я пожала плечами.

– Ба заявила, что скрыла от меня это, потому что Минни в любом случае не вернуть. Так какой смысл мне плакать на похоронах? – Я и сейчас не плакала. – Сказала: мол, мы все понимали, что это произойдет, и успели сто раз попрощаться. Но я-то не попрощалась. Не успела. – Я с гордостью отметила, как спокоен мой голос.

Клайд вел машину, никак не реагируя на мой рассказ, но я чувствовала, что он внимательно слушает, и это заставило меня продолжить.

– Когда мне сказали, я закатила истерику, достойную самой капризной поп-принцессы. Ломала все вокруг, кричала, рыдала, повторяла бабуле, что ненавижу ее и никогда не прощу. И я действительно не простила. Потом я собрала чемодан и поехала домой в Грассли. Бабуля меня не остановила. Она специально дождалась каникул в честь Дня благодарения, когда у меня был перерыв в концертах. Я восемь месяцев не была дома, а когда приехала, не нашла там никого, кроме мамы. Папа ушел от нее, Кэш сидел в тюрьме, Хэнк только что в очередной раз выпустили из наркоизолятора, и он поселился в доме бабули в Нэшвилле. А Минни была в могиле.

Я провела с мамой неделю. Держалась она очень неплохо. Сказала, что папа нашел квартиру в Нэшвилле недалеко от бабулиного дома и наконец исполняет свои мечты. Здорово, а? Полагаю, все это тоже за мой счет. Я с десяти лет обеспечивала семью, но теперь вижу, что я им всем чужая. С братьями я никогда

особенно не ладила. Кэш еще ничего, но Хэнк меня всегда пугал. Особенно когда был под наркотой. Его вообще только бабуля терпит. Это потому, что они оба ужасные люди. Я жила ради Минни, ну и родителей, пожалуй.

Я пожала плечами, словно говорила о какой-то не имеющей значения чепухе.

– К концу каникул я снова превратилась в послушную девочку Бонни Рэй и вернулась к гастролям. На Рождество, вместо того чтобы съездить домой, я продолжила работать. И вот вчера вечером тур наконец закончился.

– Значит, твои родители разошлись?

– Ага. – Я прислонилась головой к окну. – Несколько дней назад я узнала, что мама завела бойфренда и тот переехал жить к ней. Полагаю, всем нам пора идти дальше своей дорогой. Вот только... Получается, все, ради чего я трудилась, оказалось фальшивкой. Понимаешь? С деньгами все проще, они могут изменить твою жизнь. Вот только людей не переделаешь. И Минни я спасти не смогла, и семью не сохранила.

– Поэтому ты решила прыгнуть с моста?

– Возможно. Не знаю. Вчера я просто сорвалась. Бабуля устроила мне сюрприз во время одной из песен. Думаю, это и стало последней каплей.

– Что за сюрприз?

– Ба заказала слайд-шоу. Фотографии Минни, наши общие снимки, кадры ее последних дней. И все это показали на экране во время исполнения песни «Ничего не осталось».

Клайд пробормотал ругательство, совсем тихо, но это выражение сочувствия растрогало меня.

– Я не смогла петь.

Да уж, не смогла. Я просто застыла, уставившись на огромный экран. В этот момент у меня не осталось ничего своего. Бабуля все у меня отняла. До

последней крохи. Прямо как в песне. А я ей это позволила.

– И что ты сделала? – спросил Клайд.

– Ушла со сцены. За кулисами, как обычно, ждали Медведь с бабулей. Я объяснила, что мне плохо и я больше не могу петь. Все равно концерт почти закончился. Ба решила, что мой поступок придал моменту особую значимость. Сказала, зрители поймут.

Внутри снова стало горячо, и я тяжело задышала. Пришлось замолчать и откинуться на спинку сиденья, чтобы взять себя в руки. Я несколько раз пригладила волосы. Короткие пряди, словно улики, напоминали о том, что осталось рассказать. Немного успокоившись, я продолжила:

– Медведь отвел меня в гримерку, а потом угнел, чтобы решить какие-то вопросы, связанные с безопасностью. Ба, наверное, вышла на сцену, чтобы извиниться за меня. Не знаю, если честно. Я тем временем остригла волосы, натянула толстовку, схватила бабулину сумочку и ушла. И вот я здесь.

– Ты забрала бабулину сумку?

Я рассмеялась. Этот смех, как иголка, проткнул разросшийся вокруг меня пузырь гнева. Мистер Финн Клайд выслушал мою историю, и все, что его волнует, – это украденная сумочка?

– Угу. Пришлось. Моя-то осталась в нашем автобусе. – Я подняла с пола сумочку и начала вытаскивать из нее все. Бабулин телефон, чеки, кошелек, набитый сверкающими кредитками. – Я попала в шоу-бизнес несовершеннолетней, мои деньги всегда находились под контролем бабули. Все мои счета открыты совместно с ней, я так и не забрала у нее доступ.

Я не сомневалась, что она пополняет все эти кредитки с моих счетов. Поэтому я без зазрения совести расплатилась одной из них в «Волмарте» и на заправке.

– Наверное, будет лучше вернуть ей сумку. Что скажешь? – Я снова опустила стекло и вышвырнула этот дорогой дизайнерский аксессуар на дорогу.

Кошелек и наличные, разумеется, остались у меня. И «Тик-так» – оранжевый, самый вкусный.

– Наверное, надо сообщить ей, что со мной все в порядке. Но как же я ей позвоню, если ее телефон у меня? – Я рассмеялась, как будто это был безумно смешной прикол. Бабулин смартфон завибрировал прямо у меня в руках, словно смеясь вместе со мной, и я чуть не уронила его. Что ж, похоже, пора разобраться и с этим.

– Алло-о? – нараспев произнесла я в трубку.

– Бонни Рэй?

– Ба звонит! – сообщила я Клайду, как будто была рада ее слышать.

– Бонни Рэй? С кем ты? Где ты?

– Ой, бабуль, я с Клайдом! Ты же слышала про Бонни и Клайда?

– Бонни Рэй, немедленно ответь, где ты!

– Послушай, бабуль, тур закончился. Я взрослый человек, и у меня сейчас творческий отпуск. Тебе придется отстать от меня на какое-то время. И знаешь что, ба? Ты уволена! – С этими словами я «вернула» ей телефон тем же способом, что и сумку.

4

Косвенное доказательство

«ПОСТУПАЮТ НЕПРОВЕРЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ о местах, где сегодня была замечена Бонни Рэй Шелби. Нам известно, что кантри-певица ушла со сцены „ТД-гарден“ в Бостоне, штат Массачусетс, не закончив концерт, после чего загадочно исчезла. Несколько часов спустя, не сумев отыскать ее с помощью

личной охраны, менеджер звезды позвонила в полицию. Сегодня рано утром было сделано официальное заявление. Полиция сообщает, что из примерки певицы пропали некоторые вещи. Это обстоятельство требует расследования, однако пока еще рано объявлять двадцатидвухлетнюю звезду в розыск».

?

Около пяти часов вечера Финн решил, что на сегодня хватит. Он и так уже засыпал за рулем. Лучше завтра встать пораньше. Мы остановились у простого придорожного мотеля то ли с шестеркой, то с восьмеркой на вывеске... [2 - Самые распространенные в США сети мотелей - Super 8 и Motel 6.] Я не очень внимательно смотрела. В этот момент меня волновало другое: я боялась, что Клайд поспит пару часов и уедет без меня. Мне и самой хотелось сходить в душ и поспать на свежем белье, но я не готова была остаться в полном одиночестве в глуши между Бостоном и Кливлендом. Я призналась в этом Клайду, и тот вздохнул, словно уже устал от моего недоверия.

- Возьмем смежные комнаты, ладно? Если захочешь, оставим дверь между ними открытой, - предложил он.

- Договорились.

Я тут же выскочила из машины, схватила свои сумки и отправилась в мотель. Девушка за стойкой, похоже, хотела спать еще больше, чем мы с Клайдом. Под глазами у нее красовались темные мешки. Она даже не посмотрела на меня, когда я попросила два смежных номера и расплатилась бабулиной карточкой. Наличные я решила пока не тратить: с ними мне было не так тревожно. Наверное, бедняцкие корни давали о себе знать, заставляя меня беречь деньги, или, может, осязаемость купюр придавала мне уверенности. Так или иначе, расставаться с ними я не спешила.

Я оставила на чеке размашистую подпись в бабулином стиле - в конце концов, имена у нас были почти одинаковые - и получила ключи от двух номеров как раз в тот момент, когда Клайд вошел в мотель. Он, похоже, хотел возмутиться, увидев, что я заплатила за обе комнаты, но в конце концов просто вздохнул и забрал у меня свой ключ. Потом бросил настороженный взгляд на девушку за стойкой, но тут же расслабился, увидев, что она не обращает на нас никакого внимания, уставившись в экран телевизора в холле. Показывали парное

фигурное катание, и я сообразила, что идет зимняя Олимпиада. Я и забыла, что она уже началась. Мы пошли к своим номерам, оставив девушку за стойкой болеть за звездно-полосатый флаг.

Верный своему слову, Клайд открыл дверь между нашими комнатами, и комок страха у меня в животе сразу уменьшился.

Я не стала включать телевизор, чтобы лучше слышать шаги моего спутника в соседней комнате. Эти звуки меня успокаивали. Наверное, дело было еще и в том, что я не привыкла быть одна. С тех пор как я стала любимицей американской публики и начала гастролировать, меня почти всегда кто-то сопровождал. А до этого, когда мы шестером жили в одном длинном трейлере, об одиночестве не могло быть и речи. Возможно, к этому просто нужно привыкнуть? Пожалуй, со временем я смогла бы полюбить уединение. Мне хотелось попробовать. Просто не сейчас.

?

Финн заказал пиццу – ведь он пообещал себе, что не позволит Бонни и дальше его кормить. Впрочем, номер в мотеле стоил намного дороже, и за него она все равно заплатила. В ее комнате зашумел душ, и Клайд немного расслабился от мысли, что хотя бы на несколько минут остался один. В ближайшее время полное уединение ему не светило.

Он еще никогда не встречал таких необычных девушек. То печальная, то дерзкая, то импульсивная, то задумчивая, то остроумная... И все эти качества сменяли друг друга почти мгновенно. Ей было тяжело, это Клайд понял сразу. Но его она, как ни странно, совсем не боялась. Он пока не решил, что с этим делать, и чувствовал себя виноватым, понимая, что Бонни наверняка испугалась бы, узнай она о нем столько же, сколько он знал о ней, – а он теперь знал немало. Почти весь день ее слушал. После рассказа о смерти Минни у нее, похоже, не осталось сил. Тогда Финн попросил Бонни спеть, думая, что она откажется, сославшись на «творческий отпуск». Но она с радостью согласилась, без уговоров и капризов. Клайд не ожидал этого от звезды такой величины. Бонни закинула одну ногу на приборную панель и стала петь совершенно нелепые песни одну за другой.

Она спела «Коричневый кувшинчик» – судя по всему, это была песня про самогон – и «Земляной горох», где речь шла, представьте себе, о земляном горохе, хотя Клайд понятия не имел, что это такое. Еще была неплохая песенка «Черноглазая Дейзи». Бонни сказала, что отец вместо Дейзи вставлял ее имя, потому что у нее темные глаза. Вроде бы у ее матери среди предков затесались чероки, и им с Минни досталась капелька индейской крови. Потом она запела «Нелли Грей», но эта песня почему-то ее расстроила, и Бонни замолкла посреди куплета, в котором возлюбленную героя увозят в цепях. Клайду было жаль, что она не допела. Ему понравилась эта история.

Бонни сказала, что выросла на этих мелодиях. Отец научил ее петь народные песни Аппалачей, передававшиеся из поколения в поколение. Еще она, как выяснилось, умела играть на нескольких инструментах. О некоторых из них Финн в жизни не слышал – например, о странной штуке под названием беримбау. Если он правильно понял, это палка, согнутая наподобие лука, с гитарной струной вместо тетивы. Бонни объяснила, что раньше использовали другие струны, из овечьих потрохов.

– Потрохов? Из кишок, что ли?

– Ага.

Клайд был уверен, что она врет. Или почти уверен. Хотя спорить не стал бы.

– Значит, тебе не нравятся все эти старинные песенки, а, Клайд? – спросила Бонни.

Странно... Он ведь уже сказал, как его зовут, но она продолжала называть его Клайдом.

– Ты же не их поешь на концертах? Сейчас ведь такое не слушают, верно? – изумился Финн.

– Почему, слушают. Но нет, я пою современное кантри. На стыке жанров. Некоторые песни больше похожи на поп-музыку. На самом деле иногда разница почти незаметна, если не считать электрогитары и скрипки. Ну, и меня самой. У меня есть эти носовые и гортанные нотки, которые придают песням народное звучание. – Она подмигнула, и Клайд почувствовал, что улыбается, как какой-

нибудь одуревший от счастья поклонник. – Но иногда я скучаю по традиционным мелодиям.

Финну не слишком понравились эти древние песни, и он заметил, что Бонни это позабавило: она определенно любила подтрунивать над ближними. Но Клайду понравилось ее пение. Петть она умела, вне всякого сомнения. Ее голос звучал свободно и был очень приятным – как холодная вода в жаркий день. И еще Бонни сама получала удовольствие от пения. Она умела подать себя, рассказать историю, приковать к себе внимание – даже сейчас, сидя на переднем сиденье старенького «Блейзера». Неудивительно, что ей удалось завоевать популярность. И что вся Америка в нее влюбилась.

Теперь Клайд вспомнил ее. Много лет назад он видел Бонни Рэй Шелби по телевизору. Шоу «Нэшвилл навсегда» входило в короткий список программ, которые заключенным разрешалось смотреть в свободное время. Все, разумеется, ворчали: среди обитателей тюрьмы было не много поклонников кантри-музыки.

Бонни пришла на шоу совсем юной. Тонкая фигурка, огромные глаза и копна волос. С тех пор она подросла. Тогда, впервые услышав ее, Финн удивлялся, как ей, такой маленькой, не страшно. Когда Бонни с улыбкой смотрела в зал, вместе с ней улыбались все. Даже те, кто критиковал ее репертуар, в итоге все равно начали болеть за нее. Сам Клайд видел передачу всего пару раз, но запомнил Бонни. Он и не знал, что она победила. А победив, еще и стала суперзвездой. Суперзвездой, которая решила покончить с собой.

Финн быстро принял душ и как раз натягивал чистую футболку и джинсы, когда привезли пиццу. Он приоткрыл дверь между комнатами, чтобы позвать Бонни поужинать, но в ее номере все еще шумел душ. Ему показалось, что она поет в ванной. Финн замер, прислушиваясь, и понял, что это не пение. Бонни плакала. Он почему-то попятился, будто случайно увидел ее без одежды. Впрочем, нагота его так не смутила бы. Это еще можно было бы пережить. Ему бы, пожалуй, даже понравилось. Еще как! Но слезы? Нет уж, увольте.

Она не показывалась из комнаты около часа. Финн слышал, как стих шум воды, как Бонни прошла по номеру, покопалась в сумках, полистала каналы, но в конце концов выключила телевизор.

Наконец, она заглянула к Финну и спросила, можно ли ей «стащить кусочек».

Клайд, склонив голову набок, всмотрелся в ее лицо, пытаясь разглядеть следы недавних слез, но ничего не увидел. Тогда он с облегчением улыбнулся, и Бонни ответила ему тем же. На щеках у нее появились ямочки, белые зубы блеснули в обрамлении розовых губ, и сердце Финна оборвалось. Улыбка тут же сползла с его лица. Бонни была слишком хорошенькой. Особенно теперь, когда ее волосы уже не выглядели так, будто их рвали зубами. Она была слишком хорошенькой, а Финн, как назло, был одинок. Опасное сочетание. Ему стало страшно – и за нее, и за себя.

– Значит, конец девственным джунглям? – произнесла Бонни, присев на краешек его кровати с куском пиццы в руках.

Клайд отвел взгляд от ее милого лица и сделал вид, что с интересом наблюдает за игрой в керлинг на экране.

– Джунглям? – переспросил он. Господи, она же не про?...

– Ну, ты бороду сбрил. – Бонни протянула левую руку и провела костяшками пальцев по его щеке. Сосредоточиться на Олимпийских играх он теперь не смог бы при всем желании. – Так ты выглядишь моложе. И вообще, я завидую. У тебя волосы длиннее, чем у меня.

Финн заметил, как ее нижняя губа задрожала. Бонни откусила побольше пиццы, чтобы скрыть это.

Клайд провел рукой по влажным волосам и пожал плечами.

– Подстригусь, когда приеду в Вегас. Просто хотелось отрастить их в кои-то веки. – Это была опасная территория, и он тут же умолк.

– Раньше ты длинные не носил?

– Не-а. Всю жизнь проходил с короткими, только в последние пару лет отпустил. – Финн покрутил пульт в руках, резко заинтересовавшись рекламой страховой компании на экране. Нужно было срочно сменить тему.

– Я теперь похожа на парня, да? – вдруг выпалила Бонни.

Ее губы задрожали еще сильнее. Она отложила пиццу, схватила салфетку и принялась яростно вытирать руки и лицо.

– Что? – ошарашенно спросил Финн.

– Я зашла в душ... краем глаза увидела свое отражение и вскрикнула! Потому что я стала похожа на моего брата Хэнка! На Хэнка, которого всегда считала самым некрасивым в семье.

– Что за... Ты поэтому плакала? Потому что похожа на Хэнка? – Финн очень старался не рассмеяться. Честное слово, изо всех сил старался. Но не вышло.

– Не смешно, Клайд! Я не хотела больше ходить с ангельскими кудряшками, но не подумала, как будут выглядеть короткие темные волосы в сочетании с квадратным лицом типичной Шелби. Теперь-то я вижу.

Бонни опустила голову и начала всхлипывать. Ее плечи задрожали. Похоже, слезы напугали ее не меньше, чем Финна, потому что она вскочила с кровати и молча убежала в свою комнату.

Клайд не пошел за ней. Ведь он ей не мать, не сестра и не парень. Просто... Клайд. Все равно он не знал, как ее утешить. Конечно, можно было сказать, что она не похожа на мальчика. Потому что так и есть. Ни капли не похожа. В ней не было ничего мальчишеского, кроме коротких волос. Но вряд ли Финн смог бы ее убедить, не перечислив, что в ней есть женственного, а этого делать точно не стоило. Поэтому он остался размышлять в своем номере. Клайд понятия не имел, как вести себя с женщинами, и тем более с малознакомой девушкой, которая свалилась на него как снег на голову. И теперь, как бы странно и нелепо это ни звучало, он чувствовал, что должен ее защитить.

Финн потер непривычно гладкий подбородок, уже скучая по щетине. Волоски, царапавшие ладонь, обычно помогали отогнать мысли, которые скреблись в голове. Вот и зачем было бриться? О чем он вообще думал? Хотя нет, тут как раз все ясно. Он просто захотел показать Бонни побольше Финна и поменьше Клайда. Надеялся, что сбросит старую шкуру и сразу станет чуть более подходящим спутником для такой девушки.

Он, как и обещал, не стал закрывать дверь между номерами, но она так и не вернулась. В конце концов Финн выключил телевизор, упал на кровать и, как в детстве, уставился в потолок, белеющий в темноте. Захотелось взять в руки цветной мел и исписать всю эту нетронутую поверхность. Финн сжал и снова выпрямил пальцы, представляя, как напишет уравнение во весь потолок, а потом будет смотреть на него и размышлять, пока числа не расплывутся перед глазами. И тогда он поднимется на крыльях сна и улетит далеко-далеко, сольется с просторами Вселенной, где числам нет конца и весь небесный свод покрыт письменами формул.

Но только сейчас Финн лежал в номере мотеля, где запрещено портить стены и потолки. В детстве у них с братом была одна комната на двоих. Фиш завесил две свои стены постерами и фотографиями, ну а Финну родители разрешили (отец даже приветствовал это желание) исписать стены числами. Когда места не оставалось, он закрашивал одну из стен и начинал заново. В будущем Финн мечтал переехать в квартиру, где вместо стен будут меловые доски.

Ну а пока числам пришлось остаться у него в голове. Они толпились там, раздраженные, изнаывающие от тесноты... Или, может, дело было в нем самом. Финн сел на кровати и скинул с себя одеяло. Он выключил обогреватель вместе с телевизором, но радиатор в номере Бонни продолжал работать на полную мощность, и жар волнами вырывался из приоткрытой двери. Финн стянул с себя футболку, скомкал ее и швырнул в сторону сумки. Но не прошло и пяти секунд, как он встал с кровати и принялся искать ее, уже понимая, что разделся зря.

– Финн?

Он так резко подскочил, что не успел выпрямиться и ударился головой о стену. На пол упала широкая полоска света из комнаты Бонни. Этот свет пригвоздил Клайда к стене, будто заключенного, пойманного при попытке побега. В дверном проеме возник четко очерченный силуэт Бонни. Финн мгновенно отвернулся.

– Финн!

– Да? – Стоя вот так, с голой спиной, уставившись в стену, он чувствовал себя полным идиотом.

- Прости, что я заплакала... Из-за какой-то ерунды. Мне стыдно.

- Да ничего. Похоже, Хэнк тот еще страшила. Я бы тоже заплакал. - Скорей бы она ушла.

Бонни захихикала. В этот момент она показалась Финну совсем маленькой и несчастной. Он поморщился, злясь на всю эту дурацкую ситуацию, но не пошевелился. Заметив это, Бонни перестала смеяться.

- Финн... Все в порядке?

- Да. В порядке. Просто... М-м. Да.

- А... Ну ладно. Спокойной ночи. - Несколько секунд, и полоска света исчезла.

Финн услышал, как скрипнула кровать в комнате Бонни и что-то легонько стукнулось об изголовье. Не двигаясь с места, он прижал руку к груди, к выбитому на коже черному кресту с загнутыми концами. Может, не видела? Но татуировку на спине она не могла не заметить. Тут и думать нечего.

Тогда ему было всего восемнадцать. Он был в ужасе. Страх заставляет людей идти на то, чего они никогда бы не сделали в других обстоятельствах. Финн провел рукой по уродливой татуировке, прикрывая ее. Потом вернулся в постель и заставил себя заснуть, все еще прижимая руку к груди.

Он помнил, как игла терзала кожу, как противно пахло от Трейсона, который придавил его голову и плечи своим весом, усевшись сверху. Финн задышался. Его руки были вытянуты в стороны, на каждой ноге сидело еще по заключенному, а Морис устроился на поясице. Клайд в итоге перестал сопротивляться, позволив унижить себя, пометить против воли, заклеить, потому что унижение было все же лучше боли от ударов и рвущей кожу иглы. Когда все закончилось, кровь еще некоторое время сочилась из кривого контура трех игральные карт, выбитых у него на спине. Одна - бубновая, означавшая, что Финн жульничает, вторая - пиковая, знак вора. Он с ужасом осознал, что эти отметины теперь сможет увидеть любой. Но именно третья карта, червовая, заставила кровь застыть у него в жилах. Черви давали заключенным знак, что он не против вступить в

сексуальную связь. Этого он пережить не смог бы. Что угодно, только не это.

Все началось с карточной игры. Финн понадеялся, что, оказав услугу Каваро, сможет рассчитывать на его защиту, и решил рискнуть. «Не советую идти ва-банк», – сказал он. Игра остановилась. Все злобно уставились на Финна. «Что ты сказал?» – переспросил Каваро, и в его словах слышались одновременно ярость и любопытство. «У него наверняка крестовый туз. Проиграешь».

Начался хаос, Финна повалили на пол, заточка царапнула кожу под правым глазом, оставив кровавый след. Но тут раздался приказ отпустить его. Заточка исчезла, кто-то схватил Финна за волосы и воротник и поднял на ноги. Когда он встал в полный рост, чужая рука отпустила волосы: было слишком высоко, чтобы ухватиться как следует. «Покажи карты», – велел Каваро своему единственному противнику, сидевшему напротив.

Тот без малейших возражений выложил карты на стол. «Откуда ты знал, что у него туз? – спросил Каваро, не глядя на Клайда. – Ты к его картам и близко не подходил». – «Я помню все карты, что были в игре. Три туза вышли, твои карты я вижу. Раз туз не у тебя, значит, у него». – «Ты помнишь все карты», – повторил Каваро, но не удивленно, а насмешливо. «Да. И порядок, в котором их разыграли». Все, кто сидел за столом и стоял у стен, наблюдая за игрой, рассмеялись. «Докажи». Каваро взглядом указал одному из своих парней на карты, и тот сел за стол, сгребая разыгранную колоду. «Отвернись, малыш».

Клайд встал спиной к столу. Он слышал, как шуршат карты, и понимал, что они непременно перепутаются. Но, может, порядок сохранится хотя бы частично.

В любом случае, ему ничего не оставалось, кроме как перечислить те карты, которые он помнил. Ему либо поверят, либо нет. Финн начал называть карты и игроков, у которых они были, говоря четко и монотонно, прерываясь, когда кто-нибудь возражал, доказывая свою правоту и тут же продолжая перечислять, пока не дошел до карт, оставшихся на руках у противника Каваро.

Повисла тишина, острая и опасная, царапающая кожу, как бритва. Финну хотелось сорваться с места, сбежать от устремленных на него пронзительных, подозрительных взглядов. Но он сдержался, не побежал. Остался на месте, не шевелясь, чувствуя, как потеют ладони. «Как ты это сделал?» – спросил Каваро. Он уже не смеялся. «Я хорошо считаю».

?

На груди у Клайда была большая черная свастика. Я лежала на жесткой двуспальной кровати, зажав в руках край одеяла, сон не шел, в голове лихорадочно крутились мысли. Дверь между номерами была открыта, как ворота в ад, и мне хотелось подбежать, захлопнуть ее и запереть. Но я боялась. Было ясно, что я застала Клайда врасплох. Он не успел вовремя отвернуться, я все видела. Что же это за человек, если набил на груди свастику?

Плохой человек. Мне определенно не стоило ехать с ним через всю страну, к тому же без конкретного направления и безо всякой цели.

Я вцепилась в Финна Клайда, как в спасательный круг, но в лодке, куда я забралась, была течь. Так мне и надо. Он ведь меня с собой не звал и насильно не тащил. Я сама за ним увязалась.

Так странно. Он мне сразу понравился. Показался надежным. Оказавшись в шоу-бизнесе, я привыкла всех опасаться. Но Клайд не знал, кто я такая. И он спас меня, просто потому что... потому что увидел, что какой-то подросток собрался прыгнуть с моста. И вообще в нем было что-то внушающее доверие. Какое-то ощущение опоры и безопасности. Ба всегда говорила, что я бестолковая. Она явно была права.

Я долго лежала в темноте, не двигаясь, напрягая слух, пока не почувствовала, что вот-вот лишусь рассудка... Или того, что от него осталось. Финн был без рубашки, и я невольно скользнула взглядом по его торсу, ожидая увидеть четко очерченные мышцы рук и груди, выпуклый пресс и широкие плечи, но вместо этого увидела татуировку. Он тут же отвернулся, и это позволило мне скрыть испуг, сделать вид, что все в порядке, притвориться, что я ничего не видела. На спине у Финна тоже было несколько уродливых татуировок. Прежде чем отвести взгляд и отвернуться, я заметила игральные карты и цифры.

Наконец я решила, что прошло достаточно времени и Клайд успел заснуть. Я тихо, медленно выбралась из кровати и подкралась к двери между нашими номерами. А что, если она скрипнет и выдаст меня? Я задержала дыхание и осторожно прикрыла дверь. Петли повернулись бесшумно, и я едва сдержала благодарный всхлип. Потом повернула замок. Задвижка громко щелкнула. Этот звук громом отозвался у меня внутри. Если Финн еще не спал, он наверняка

услышал. И, разумеется, все прекрасно понял. Все было ясно, как божий день, особенно учитывая, что до этого я сама попросила оставить дверь открытой.

Утром я встану пораньше, сдам ключ и попрошу другую комнату, подальше от опасного незнакомца. А потом позвоню Медведю, и он приедет за мной.

Приключение окончено.

5

Диаметральные противоположности

«ПОДТВЕРДИЛИСЬ СООБЩЕНИЯ О ТОМ, что Бонни Рэй Шелби видели в парикмахерской „Быстрые ножницы“. Бритни Ганнерсон, сотрудница заведения, сказала, что звезда сделала стрижку и покрасила волосы, после чего поспешно покинула салон через заднюю дверь в сопровождении белого мужчины высокого роста, примерно метр восемьдесят пять – метр девяносто, на вид около двадцати пяти лет. Он был одет в потертую джинсовую куртку, на голове – черная вязаная шапочка. По словам сотрудницы, мисс Шелби называла своего спутника Клайдом, однако установить его личность пока не представляется возможным. Ганнерсон планирует подать в суд на незнакомца, утверждая, что тот толкнул ее и ударил по лицу, когда она попросила его и певицу покинуть салон через главный вход. Бонни и Клайд? Да уж, такое нарочно не придумаешь!»

?

Она исчезла. Ну и ладно. Прошлой ночью, когда Финн услышал, как повернулся замок, он сразу понял, что напугал ее. Вот и прекрасно. Так будет лучше. Утром он постучался к ней на всякий случай, позвал и даже подождал, пока горничная зашла в номер, чтобы убраться. Все-таки нужно было убедиться, что Бонни ушла, а не спит в комнате, а то и что похуже. Финн не знал, чего от нее можно ждать. Вчера она не выглядела так, будто хочет покончить с собой. Но еще и двух суток не прошло с тех пор, как Бонни попыталась прыгнуть с моста. Однако горничная спокойно зашла в номер и принялась за работу, явно не обнаружив в номере ни спящих гостей, ни трупы.

Потратив больше часа впустую, но убедившись, что Бонни действительно ушла, Финн сгрел свои сумки, злясь на себя и на нее, и направился к выходу. Он не стал вызывать лифт и спустился по лестнице. Ночью выпал снег, и по пути к парковке Финну пришлось преодолеть слякотное месиво. Он закинул сумки на плечо и бросил взгляд на свинцово-серое небо, пытаясь понять, что ждет его в дороге. Путешествовать в зимнюю погоду – удовольствие небольшое, но для февраля вся эта слякоть все равно что лучшая подружка. Никуда от этой девчонки не денешься, значит, придется потерпеть. Хорошей погоды раньше апреля не жди, а в Вегас ему нужно прямо сейчас.

Финн опустил голову и отыскал взглядом свой потрепанный «Блейзер». Что он там думал про девчонку, от которой никуда не денешься? Пока Финн сидел в номере, машины успели разъехаться. В «Мотеле № 6» останавливались в основном путешественники, которые надолго не задерживались. На всей парковке осталось только две машины, и возле его «шевроле», расстелив на бордюре пакет, чтобы не намочить пятую точку, ждала она. Его личная заноза в заднице. Бонни сидела в объемном розовом пуховике и шапочке из «Волмарта», грея руки между коленями и втянув голову в капюшон. Ее нос покраснел, цветом гармонируя с сапогами. В общем, печальное зрелище. Бонни заметила Финна раньше, чем он ее, и теперь смотрела прямо на него. Она не улыбнулась, не поздоровалась и не попыталась объяснить. Просто следила за его приближением.

Финн с трудом сдержал поток ругательств и подошел к машине со стороны водителя. Открыл ее, забросил внутрь сумки, уселся на сиденье и захлопнул дверь. Потом повернул ключ зажигания и начал решительно выворачивать с парковочного места, стараясь не обращать внимания на девушку, которая встала, придерживая сумки. Капюшон соскользнул с ее головы. Бонни не попыталась подойти поближе, не стала звать его. Просто стояла и смотрела, как Финн уезжает. Он нажал на газ и проехал метров тридцать, прежде чем бросил взгляд на ее фигурку в зеркале заднего вида.

– Невероятно, – сквозь зубы проговорил Финн и хлопнул ладонью по рулю. – Невероятно!

Ругая себя, он нажал на тормоз, распахнул дверь и выскочил из машины, не заглушив двигатель. Бонни все так же стояла с сумками в руках, но теперь она приоткрыла рот, явно пораженная тем, что Финн остановился.

Что ж, не одна она удивилась. Сам он чувствовал себя так, будто раскололся на две части. Рациональная половина мозга, та, что отвечала за здравый смысл и самосохранение, была в шоке от происходящего и требовала, чтобы Финн немедленно ехал дальше, в то время как вторая половина, связанная с сердцем и тем, что пониже, испытала облегчение, радуясь, что Бонни никуда не делась.

Она не сдвинулась с места, словно была уверена, что стоит ей пошевелиться, как Финн тут же передумает, сядет в «Блейзер» и уедет. Поэтому ему пришлось пройти эти тридцать метров, сражаясь с собой за каждый шаг. Он остановился прямо перед ней, почти вплотную. Бонни смотрела на него снизу вверх широко раскрытыми темными глазами. Финн сунул руки в карманы, сдерживая желание придушить ее, но тут же почувствовал себя так, будто на него надели наручники. Он высвободил руки, вцепился в розовый пуховик Бонни, заставив ее подняться на носочки, и потянул на себя, оказавшись с ней нос к носу. Его чувства превратились в огромный спутанный ком из желания, злости и обиды, приправленных яростью, и Финн уже не мог отделить все эти эмоции друг от друга. Поэтому он сделал единственное, на что был способен в это мгновение. Он поцеловал ее.

В этом поцелуе не было ничего мягкого и нежного. «Ты напугала меня и расстроила, я чертовски зол и в то же время рад, но как же ты меня бесишь!» – говорил этот поцелуй. Зубы задевали губы, сминали их и покусывали, а Финн все не мог остановиться, даже когда Бонни впилась в его нижнюю губу, а ее пальцы запутались у него в волосах. После этого остановиться стало еще труднее. А когда она обвила его шею руками и прижалась к нему всем телом, встав на носки его ботинок, Финн решил, что месть и вправду бывает сладкой, и позволил себе просто получать удовольствие. Влажные горячие губы Бонни заставили его забыть о том, что он стоит на парковке «Мотеля № 6», в тридцати метрах рычит двигатель «Блейзера», а водительская дверь так и осталась распахнутой. Рациональная половина мозга наконец-то умолкла... на целых десять секунд.

– Я сам не знаю, что творю, Бонни Рэй, – произнес Финн, резко отстранившись.

Он вдохнул, выдохнул и мягко оттолкнул ее, высвободив носки ботинок из-под сапожек Бонни и разжав руки, державшие ее за пуховик. Тонкий нейлон у нее на груди остался мятым в тех местах, где пальцы Финна скомкали ткань. Он поспешно отвел взгляд, чтобы они оба могли прийти в себя. Клайд все еще злился, но сумел взять себя в руки.

Когда он снова заговорил, его голос прозвучал спокойно и твердо.

– Я не знаю, что творю, и что ты творишь, я тоже не понимаю. Но, если планируешь и дальше играть в игры, больше ко мне в машину не садись. Не надо. В прятки играть весело только в десять лет и при условии, что всем известны правила. Так что лучше позвони своей свите и сдайся, а меня оставь в покое.

Бонни кивнула. Ее глаза были широко раскрыты, губы припухли.

– Я просто испугалась, вдруг ты плохой человек.

– Ну, так давно пора, черт, – буркнул он.

– Что ты хочешь этим сказать, Клайд? – спросила она.

– Опять пытаешься играть в игры, Бонни?

– Нет. – Она помотала головой.

– Тогда говори все как есть.

– Зачем ты набил свастику?

Внутри у Финна что-то оборвалось. Он ожидал это услышать, но все равно в глубине души надеялся, что Бонни скажет что-то другое. Финн не был готов к этому разговору, к тому же пошел снег, слякоть просочилась в ботинки и холодила пальцы.

– Это длинная история. Я расскажу, но не сейчас. Клянусь тебе, что я не нацист. И никогда им не был. Ты можешь мне поверить? Я был пацаном и очень боялся. Вот и все. Тогда казалось, что другого выбора нет.

Бонни выдохнула и медленно кивнула, словно приняла это объяснение, а потом подняла сумки.

– Ладно, с этим можно жить. А вот с чем нельзя, так это с мокрой одеждой. А сумки у меня промокли, они стояли на снегу. И я тоже промокла, потому что сидела на нем! – бросила она через плечо, зашагав к «Блейзеру». – Поехали, Гекльберри.

Финн последовал за ней, закатив глаза, однако не смог сдержать улыбку. И в то же мгновение у него перед глазами встал Фишер – светловолосый, ухмыляющийся, хитрый, но умело скрывающий это. Брат тоже иногда называл его Гекльберри. Финна это ужасно бесило.

?

– Подкатишь к ней, Гекльберри? – Фиш внезапно возник рядом. Он явно заметил, как Финн и красотка Дженнифер обмениваются взглядами.

Девчонка была ничего. И постоянно на него пялилась. Финн тоже на нее посматривал, размышляя, не разонравится ли она ему, едва они закончат обжиматься. Обычно так и происходило, поэтому он не спешил к ней подходить.

– Не, – вздохнул Финн.

– Это почему? – удивился Фиш, озадаченный ответом.

– Да она мне через пять минут надоест. И вообще, она скорее в твоём вкусе.

– Правда? – Фиш слегка насупился, делая вид, что всерьез задумался, но потом помотал головой, будто отклоняя предложение. – А кто в твоём вкусе, Финн? По моему, у тебя он пока не сформировался.

– Не знаю. Ну, у меня есть свои требования. Высокий рост, стройная фигура, интеллект. Спокойный характер. Чтобы разбиралась в математике. – Финн пожал плечами.

– Ты описываешь линейку, а не девушку.

– Нет, я описываю себя, – признался Финн, усмехнувшись.

– О, ну это, конечно, очень весело. Встречаться с самим собой. А чем тебе Либби не угодила? Очень сексуальная была, и ты ей нравишься, да и целуется классно.

О да. Сексуальная, не поспоришь. И целовалась отлично. Даже научила Финна кое-чему. Он бы с радостью попробовал все это еще раз... с другой девушкой. К тому же ему не очень нравилось встречаться с теми, с кем уже переспал Фиш. В голову невольно лезли мысли о передаче права пользования, и это было мерзко. Но Либби действительно обладала впечатляющими талантами, тут Финн был согласен с братом.

– Целоваться с ней мне нравилось. Но больше ничего. Хватит изображать из себя сводника. Девушку я как-нибудь сам выберу. – Он бросил на Фиша предостерегающий взгляд.

Тот, разумеется, его проигнорировал.

– Это плохая идея, бро. Мы сами никогда не понимаем, что нам нужно. Конечно, мы воображаем, будто знаем, кого искать, но это неправда. Вот поэтому я стараюсь перепробовать как можно больше девушек. Пытаюсь выяснить, что именно мне нужно. Потому что не знаю. И ты не знаешь. Ты только думаешь, что знаешь, ты ж у нас гений.

– Если я гений, то почему главный всезнайка в семье ты?

– Думаешь, ты один что-то исследуешь? У меня своя наука. Только я изучаю девушек. Музыка. Жизнь.

Врат сделал глоток какого-то пойла, которое держал в руке. Наверное, это было пиво, но, похоже, только первый стакан, максимум второй: Фиш все еще выглядел отменно, улыбался и махал всем вокруг, пробираясь сквозь толпу и параллельно одаря брата непрошеными советами.

– Я создал собственную теорию. Может, я и не такой умник, как вы с папой, но отвечаю, чувак, тут все четко. Если ты думаешь, что девушка тебе идеально подходит, значит, она точно тебе не подходит. А потом однажды появится такая, какую ты совсем не ждешь. И она перевернет твой мир. – Фиш произнес это с абсолютной уверенностью.

- Да неужели?

Финну хотелось поскорее уйти. Но он понимал, что не сделает этого. Будет таскаться за Фишем, пока тот не соберется домой. И кто знает, когда это произойдет.

- Ага! И точно тебе говорю, она будет не такой, как ты себе представляешь. Ты будешь сидеть, выстраивать логику и составлять списки. Но твоё уравнение не сойдётся.

- Это не твоё уравнение, Фиш. Это химия. «Противоположности притягиваются».

- Ну да. Но всё не так просто. Некоторые противоположности не притянутся. Нужна подходящая противоположность. И ты даже не поймёшь, как тебе повезло...

- Пока не потеряю её? - закончил Финн избитую фразу, не слишком внимательно слушая. Он нашёл взглядом Дженнифер, размышляя, не изменить ли своё решение.

- Да, малыш, пока не потеряешь. И тогда ты очнешься и станешь спрашивать себя, что это за хрень была, а я буду над тобой ржать и говорить: «Ну и кто из нас гений?»

?

- Бабуля закрыла свою кредитку. Точнее сказать, мою. Я попыталась снять другую комнату в мотеле, но администратор сказала, что платёж не проходит. Я испугалась, ведь ба в курсе, что кредитка у меня. - Я пожала плечами. - Видимо, так она пытается показать мне, что по-прежнему мною командует.

- Ты же понимаешь, что по кредитке тебя можно отследить? Если хочешь исчезнуть, пользоваться бабулиной карточкой - не лучшая идея.

- Да не хочу я исчезать. Просто хочу, чтобы меня оставили в покое. Хотя ненадолго.

- Ты пыталась с ней поговорить?

- После смерти Минни - нет. Я была слишком зла... И очень устала. Мне было грустно. Я бы не нашла в себе сил заставить ее меня услышать.

Это в принципе почти невозможно. Ба слышит только то, что хочет слышать.

- Значит, ты планировала перебраться в другой номер и там дожидаться свою свиту? И нафиг этого Клайда?

- Ага. Нафиг этого белого расиста с жуткой татухой на груди.

Клайд рассмеялся:

- Да, теперь точно никаких игр. Отлично. Говори все как есть.

Я тоже засмеялась, не подавая виду, что внутри у меня все перевернулось, прямо как вчера, когда он улыбнулся мне в мотеле, еще до того, как я увидела татуировку и сбежала.

- У тебя есть девушка, Клайд? - Слова вырвались у меня раньше, чем я успела их осознать, но я не пожалела, что спросила.

- Нет.

- А что так?

- Я переезжаю в Вегас.

- То есть девушка была, но ты расстался с ней, потому что уехал?

- Нет.

- «Нет, не было» или «нет, не потому, что уехал»?

Клайд нахмурился и недовольно покосился на меня. Я лишь пожала плечами.

– Пожалуй, ты правильно сделал, что порвал с ней. Отношения на расстоянии все равно невозможны. Когда я еще жила в Грассли, у меня был один мальчик. Но потом я выиграла «Нэшвилл навсегда» и в школу больше не вернулась. Я и домой-то приехала только через год. Связь я поддерживала только с Минни – с ней мы почти каждый вечер разговаривали. А когда вернулась в Грассли, этот мальчик, Мэтт, уже встречался с другой. Я его, конечно, не виню. Когда ты подросток, год – это много, целая жизнь.

Клайд хмыкнул, явно не желая участвовать в этом разговоре. Самое время для небольшой встряски.

– В девятнадцать лет я попросила своего охранника, Медведя, заняться со мной сексом.

Финн выругался и перевел ошарашенный взгляд с дороги на меня.

– Ты вообще, что ли, не фильтруешь? Просто говоришь все, что в голову взбредет?

– Ты же сказал, никаких игр. Говори все как есть. Я и говорю.

– Одно дело – говорить прямо, другое – выкладывать все без разбору!

– Наверное, ты прав. Мне всегда... не хватало деликатности, но после того, как я разжала руки на мосту, со мной что-то случилось, – тихо объяснила я. – Во мне сломалась какая-то штука, которая сдерживала пофигизм. Теперь мне все равно. Совсем. Я ничего не боюсь. Мне не хочется умереть, мне просто на все плевать. Ты понимаешь, о чем я?

Финн кивнул:

– Да. Понимаю. У меня тоже такое было. Но, к сожалению, я как раз недавно вправил себе эту штуку. Так что прояви немного уважения и сдерживайся по возможности, хорошо?

– Ладно, – вздохнула я. – Говори все как есть, но в допустимых для Клайда дозах. Поняла.

- Спасибо, - саркастично отозвался он.

Я решила больше ничего не говорить - отомстить ему молчанием и уставилась в окно. Чтобы не свихнуться от скуки, я принялась сочинять текст для песни.

Наконец Финн вздохнул.

- Почему ты зовешь его Медведем? - спросил он, признаваясь таким образом, что последние двадцать минут провел, думая о моих словах.

- По его словам, это прозвище ему дали за то, что он большой, черный и злющий. Его даже мама звала Медведем. Сейчас ему сорок пять, он в разводе, и у него двое детей. Даже внук уже есть. Но я очень люблю его. Тогда я подумала, что если в первый раз займусь сексом с тем, кого люблю и кому доверяю, то так будет проще.

- Надеюсь, он тебе отказал.

- Да. Сказал, что ничего более мерзкого в жизни не слышал. Пообещал вымыть мне рот с мылом, чтоб не говорила больше гадостей, и сдать бабуле, которая мне, конечно, устроит взбучку. В этом можно было не сомневаться. Медведь признался, что я ему как дочь, к тому же белая и тощая. Прямо так и сказал. И попросил не расстраиваться из-за того, что я его не привлекаю. Ни капли.

- Как мило. - На лице Финна появилась улыбка.

- Ага. Поднял мне самооценку, ничего не скажешь. В общем, я, обиженная и растерянная, в итоге замутила с удачно подвернувшимся восходящим светилом поп-музыки. Он выпустил один неплохой хит и хотел почаще светиться в новостях за счет кого-нибудь более знаменитого. Внимание! На сцену выходит Бонни Рэй Отчаянная. В итоге все было ужасно. Унизительно. Тогда я кое-что поняла. Меня обманули. Я пела, мечтала и сочиняла песни о большой бессовестной лжи. Это было слишком, и я убедила себя, что со временем станет лучше, иначе почему все этим занимаются? Так что я потерпела еще пару раз. Но лучше не стало.

Финн снова напрягся. Наверное, не понимал, к чему вся эта исповедь. Когда я замолчала, он покрутил радио, но в конце концов выключил. Я выжидала. После его лекции о том, что можно говорить, а что нельзя, я предпочитала дожидаться, пока Финн сам спросит.

– И с какой целью ты рассказала мне эту глубоко личную историю? – произнес он наконец.

– Когда ты поцеловал меня, Клайд... Один этот агрессивный поцелуй заставил меня почувствовать больше, чем все те три-четыре попытки заняться сексом, вместе взятые. И я поняла, что меня все-таки не обманывали. Это был лучший поцелуй в моей жизни. Все остальные даже сравнить нельзя. Так что просто скажи, что мне сделать, чтобы заслужить еще один. Как это ни позорно, именно я всегда прошу чужого внимания. И даже теперь, когда мой пофигизм ничто не сдерживает, я не знаю, как долго еще смогу унижаться.

– Этот поцелуй ни хрена не значит, Бонни Рэй. Я поцеловал тебя, потому что иначе придушил бы. Вот и все. Больше не жди. В следующий раз, когда мне захочется придушить тебя, я просто уеду один.

В другой раз меня бы ранил этот отказ, но Финн Клайд покраснел как помидор и от этого стал нравиться мне еще больше. Он был слишком зажатым для высоченного «плохого парня» с длинными волосами и татуировками. Я закинула ноги на приборную панель и засмеялась. Мне нравилось это новое ощущение. Когда тебе на все наплевать, жить становится веселее и намного проще. Финн снова врубил радио, и я начала громко подпевать, чувствуя давно забытую легкость.

6

Горизонтальное отражение

СНЕГ, КОТОРЫЙ НАЧАЛСЯ УТРОМ, все шел, то слабея, то усиливаясь, а мы тем временем въехали в Огайо. Потрепанные плохой погодой окрестности постепенно сменились относительно нетронутыми видами. Неизвестность

впереди казалась частью приключения, к тому же мир по ту сторону салона машины мало волновал нас в этот момент. Снег за окном еще нельзя было назвать метелью, и старенький «Блейзер» упрямо двигался вперед, обмахиваясь дворниками. Но с приближением вечера ветер начал поднимать снег с земли. В этом белом головокружительном вихре было уже не разобрать, сверху идет снег или снизу и где что находится.

– Давай свернем с шоссе на ближайшем повороте. Думаю, пора сделать остановку на ночь. Погода совсем испортилась, – сказал Финн.

Я попыталась разглядеть, что написано на большом зеленом указателе, но его уже покрыл слой снега, к тому же боковое пассажирское окно тоже было наполовину залеплено белыми хлопьями.

– Где мы вообще? – спросила я.

– Где-то между Кливлендом и Колумбусом. Точнее не скажу. – Клайд сбросил скорость, боясь пропустить поворот. Так мы проползли несколько миль и уже было решили, что проскочили съезд с шоссе, когда я вдруг увидела нужный знак.

– Вот он!

Даже на такой скорости пухлые черные шины «Блейзера» не помогли вовремя затормозить на нечищенной дороге, покрытой подмерзающей коркой и снегом. Машина пошла юзом и покатила вниз по подъездной дороге. Я зажмурилась и скрестила пальцы, как привыкла делать еще с детства в ситуациях, требовавших везения или божественного вмешательства.

– Ты бы еще каблучками стукнула на удачу, – усмехнулся Финн. Сам он, однако же, не сводил глаз с едва различимой дороги, вцепившись обеими руками в руль. Наконец шины поймали сцепление, и «Блейзер» перестал катиться вниз.

Наверное, в эти несколько напряженных мгновений мы отвлеклись на снег и лед и проскочили какой-то знак или ориентир, а может, после съезда надо было повернуть налево, а не направо. Так или иначе, двигаясь все дальше по дороге в отчаянной надежде, мы упустили какую-то крайне важную информацию, которая могла бы спасти нас от того, что случилось дальше.

В этой ослепляющей белизне видимость была почти нулевая. С таким же успехом мы могли бы искать признаки цивилизации где-нибудь в сибирской тайге. Других машин за нами не было, и навстречу тоже никто не ехал.

– Поворачиваем. Тут ничего нет. – Финн развернул «шевроле», и мы поехали обратно по собственному следу. – Вернемся на шоссе и доедем до ближайшего города. Колумбус, наверное, уже где-то рядом.

Но когда мы добрались до места, где был въезд на магистраль, видимость настолько ухудшилась, что мы попросту его проехали. Осознав это, Клайд снова развернулся, чтобы попытаться еще раз. Я даже опустила стекло, высунула голову наружу, не обращая внимания на колючие ледяные снежинки, и попыталась что-нибудь разглядеть.

– Может, здесь?

Я с сомнением всмотрелась в темные очертания тоннеля, и Финн тут же попытался свернуть направо, но слишком поздно среагировал. «Блейзер» закрутился и полетел в сторону, а нас внутри салона бросило в противоположную. В открытое окно сыпал снег. Мы не успели заметить, как слетели с дороги. Задние колеса застряли в сугробе, передние беспомощно буксовали на льду, покрытом свежим слоем белой крупы. Клайд вылез из машины и попытался вытолкнуть «Блейзер», пока я давила на газ. Но нет, мы безнадежно застряли.

Задние колеса до самого бампера утонули в снегу, которого на обочине было по колено, если не больше. Чтобы выбраться на дорогу, не хватало сцепления. Клайд в промокших ботинках и штанах вернулся в «Блейзер», растирая покрасневшие от холода руки, и я пересела на пассажирское сиденье. Он вытащил свой старый мобильник и замерзшими пальцами набрал номер страховой компании, чтобы вызвать помощь. Автоответчик сообщил Клайду, что «линия занята, пожалуйста, подождите». Финн прождал пятнадцать минут, пока телефон не издал жалобный писк, выключившись от нехватки заряда. Тогда я принялась извиняться за то, что повела себя как капризный ребенок и выкинула телефон бабули, который теперь мог бы нам пригодиться.

– У меня есть зарядка. Просто посидим, я согреюсь и попробую еще раз.

Однако, когда Клайд наконец дозвонился до оператора, он не смог объяснить, где мы находимся. Он сообщил всю информацию, какую только мог, назвав последний указатель, который мы видели на Семьдесят первой магистрали, но я понимала, что это вряд ли поможет, особенно при такой видимости. Оператор сказал, что вышлет в нашем направлении эвакуатор, пообещав, что нас найдут, – утешительная, но все-таки ложь.

Мы два часа просидели, греясь в застрявшем «Блейзере», пока мне не пришлось, мучаясь от неловкости, выбраться наружу, чтобы сходить в туалет за бампером. В итоге я окунула пятую точку в сугроб и нечаянно облила мочой сапоги. После этого я старательно прикопала желтый снег, с ужасом думая о том, что Финн увидит, как я пометила территорию. Потом Клайд тоже сходил по нужде, и вскоре мы оба снова сидели в машине. Заняться было нечем, идти некуда, надежды на скорое спасение не оставалось: едва ли нас найдут раньше, чем закончится метель, а понять, где мы находимся, удастся в лучшем случае утром, когда можно будет пройти подальше и найти какой-нибудь указатель.

Клайд беспокоился, что нам не хватит бензина, если придется сидеть здесь до утра.

– Сейчас полночь. Солнце встает, наверное, часов в шесть-семь, так? Греть «Блейзер» всю ночь никак не получится. – Он умолк, словно не знал, что еще сказать, и провел рукой по лицу.

От этой абсолютной беспомощности мне вдруг захотелось смеяться. Я прикусила губу, сдерживая хихиканье, которое рвалось из горла. Совсем чокнулась.

– У меня есть спальный мешок и две подушки, плюс еще три старых одеяла. Когда я заглушу мотор, станет холодно. – Финн снова неловко замолчал, и у меня, несмотря на сжатые губы, все же вырвался смешок. – Ты что, смеешься?

– Нет.

– Смеешься. А я чувствую себя старым извращенцем, потому что собираюсь предложить тебе спать в обнимку, чтобы не замерзнуть.

– Ты предлагаешь спать... в обнимку? – Я была настолько шокирована, что неуместный смех как рукой сняло.

Финн изо всех сил потер лицо обеими руками, словно пытаюсь стереть сказанное.

– Ну хорошо, – тихо произнесла я. Он поднял на меня взгляд, полный удивления, и я не смогла сдержать улыбку. Широкою, восторженную улыбку.

– Ты же понимаешь, что у нас проблемы, да? – Финн покачал головой, будто сомневался в моей сознательности, но уголки его губ приподнялись. – Это не пижамная вечеринка у подружки с ночными налетами на холодильник!

– Эй, Клайд!

– Что, Бонни?

– Завтра ты сможешь похвастаться, что спал с Бонни Рэй Шелби. Автограф у меня не попросишь? Распишусь маркером у тебя на заднице. Сделаешь фотку и продашь потом в «Ю-Эс уикли».

– Звездная болезнь просыпается?

Смеясь, я перелезла на заднее сиденье.

– Чур мне подушку с наволочкой!

Нам потребовалось десять минут, чтобы переместить вещи вперед и разложить заднее сиденье, превратив его в подобие двуспальной кровати. Мне очень понравилась эта удобная фишка «Шевроле Блейзера» тысяча девятьсот семьдесят второго года, но, когда я сказала об этом Клайду, тот объяснил, что никакая это не фишка, а просто сломанное сиденье. Впрочем, я все равно была в восторге.

На сиденье мы положили спальный мешок, сверху бросили две подушки, потом скинули промокшую обувь, натянули по две пары носок и надели куртки с шапками, после чего Финн заглушил мотор. Открывать дверь он не хотел, чтобы не запустить холод, поэтому ему тоже пришлось перелезть через сиденья. Когда ты ростом под два метра, это не так-то легко, но Финн справился и улегся рядом со мной, накрыв нас тремя слоями одеял.

Пришлось немного поерзгать, но в конце концов мы нашли подходящее положение – не идеально, но жить можно. Точнее, спать можно, а именно: я прижалась спиной к груди Финна, обнимая подушку и положив голову на его руку. Мы лежали молча, пытаюсь свыкнуться с неловкой ситуацией. У меня в голове метались лихорадочные мысли, но Финн, похоже, предпочитал молчать. Макушкой я чувствовала его медленное, ровное дыхание. Было приятно ощущать его тяжесть за спиной, но уснуть в таком состоянии было слишком трудно. Поэтому на передний план в моих мыслях вышел момент, который уже целый день ждал тщательного обдумывания.

Клайд поцеловал меня. Когда я уже думала, что все кончено, он вернулся. Я ждала, что Финн станет орать, тыча пальцем мне в лицо. А он взял и поцеловал. Я почувствовала злость в этом поцелуе. Но не только. Его губы были горячее моих, и это был приятный жар. Поцелуй с привкусом тоста с маслом и зубной пасты – странное сочетание, но почему-то и оно мне понравилось. Как будто он позавтракал, почистил зубы, а потом мимоходом вскружил мне голову, и все это за какие-то десять минут. Я не соврала, сказав, что это был лучший поцелуй в моей жизни.

Это был жесткий, агрессивный поцелуй, пожалуй, даже грубый. Безыскусный, непосредственный. Горячие губы, острые зубы... и обида. Его, не моя. Меня охватил стыд за свой поступок и удивление: я не думала, что способна его ранить. Финн сказал, что поцеловал меня, потому что иначе придушил бы. Может, он и не врал, но мне показалось, что это не так.

Когда платеж по бабулиной карте не прошел, девушка за стойкой в мотеле несколько раз извинилась, а потом, сделав вид, что ей очень жаль, сообщила, что не сможет сдать мне другой номер без карты в качестве гарантии. Я попросила разрешения воспользоваться телефоном, но заметила, что она стоит неподалеку и собирается подслушивать. И тогда я поняла, что, даже если мне удастся расплатиться наличными, надолго я в мотеле не задержусь.

Поэтому я уселась рядом с оранжевым «Блейзером» дожидаться Финна, зная, что мне придется довериться ему и объяснить свое поведение. Однако, когда он наконец появился, я ничего этого не сделала. Голос, который всегда меня слушался, на этот раз подвел. Я стояла на парковке с пакетами в руках и даже не пыталась остановить Финна. Я все еще не готова была принять решение. Мне оставалось лишь беспомощно смотреть, как он уезжает.

А потом он остановился. Вышел из машины. Подошел ко мне... И поцеловал. Если бы он накричал на меня или начал уговаривать, попытался объяснить что-то или принялся шантажировать, я бы ни за что больше не села с ним в машину.

Но он меня поцеловал. И я проснулась. Та Бонни, которая дерзила, показывала характер и не позволяла собой распоряжаться, та Бонни, которая смеялась в голос и никогда не сдавалась, та Бонни, которая влюбила в себя публику, несмотря ни на что, та самая Бонни, настоящая я, пробудилась.

Некоторые, наверное, посмеются надо мной и скажут, что все это избитые клише. Но я действительно испытала это чувство – как горячий ужин для голодного, как глоток воды в жаркий день, как мгновение, когда ты после долгих странствий видишь за поворотом родной дом. Или впервые чувствуешь вкус того, что никогда не хватало смелости попробовать, и понимаешь, что ничего вкуснее в жизни не ел. Вот что я ощутила, когда Финн поцеловал меня. И в этот момент я поняла, как долго мучилась от жажды. Как мне не хватало поддержки, нежности, близости.

И, что самое странное, я осознала, что мне не хватало именно Финна Клайда.

Может, дело было в том, что я выросла в Аппалачах, где вся жизнь состояла из бедности и веры, но я верила в судьбу и предопределение. Я верила в ангелов и в то, что Господь прокладывает нам путь, направляет нас и незримо влияет на нашу жизнь. Я верила в чудеса. И внезапно Финн Клайд показался мне чудом, ангелом, которого послала мне с небес Минни.

– Во что ты веришь, Финн? – прошептала я, озвучивая свои мысли.

В темноте и тишине хотелось говорить о чем-то важном. Сначала я думала, что он не ответит, потому что уже заснул, и моя проснувшаяся жажда так и останется неутоленной. Но потом я услышала сонный голос и повернула голову, чтобы получить впитать его тягучее звучание.

– Я верю в числа. Видимые и невидимые. Действительные и мнимые, рациональные и иррациональные. В каждую точку на каждой бесконечной оси координат. Числа никогда меня не подводили. Они не увиливают. Не лгут. Не притворяются тем, чем не являются. Они существуют вне времени.

– Похоже, ты очень умный... Да, Финн? – Мой голос прозвучал почти благоговейно. Я отнюдь не блистала в школе и всегда восхищалась умными людьми. – Я так и подумала. А у меня было плохо с математикой. Для меня это заросший тиной пруд, в котором я, деревенский бедняк, пытаюсь поймать рыбу, наугад тыкая палкой в воду.

– Ну что за глупости, Бонни, – тихо рассмеялся Финн.

– О чем и речь, Клайд.

– Ты тоже умная, просто по-своему.

Мне очень нравилось, как он говорит «умная». Я тихо повторила это слово, передразнивая Финна. В ответ он ущипнул меня за бок и продолжил:

– Мне вот музыка непонятна. Я не смогу просто так взять и спеть любую ноту, сколько ни учись, сколько теорем ни доказывай. У кого-то от природы абсолютный слух. А у меня калькулятор в голове.

– То есть для тебя это настолько просто? Так же, как для меня музыка? – Меня изумила эта мысль. – Мне никогда особенно не приходилось работать над собой... Или, может, я просто не считала музыку трудом. Она всегда была со мной, я слышала ее и легко воспроизводила. И не могла представить, чтобы кто-то так же воспринимал математику.

– В детстве отец часто просил нас с братом рассказать ему про числа. Говорил: «Расскажите мне про число один». Фишеру это было неинтересно, а вот мне нравилось. Я выкладывал отцу все, что знал, так, как видел это со своей детской, ограниченной точки зрения. Я показывал на себя и говорил: «Один». Потом на Фиша: «Один». Отец возражал: «Но, Финн, вместе-то вас двое, правда?»

А я мотал головой: «Нет. Один Финн. Один Фиш». Как будто мы – одно и то же, две части единого целого. С возрастом папа стал требовать от меня большего. И я пересказывал все, чему он меня научил. «Расскажи про число четыре, Финн», – просил отец. А я отвечал что-нибудь вроде: «Первое составное число, второе квадратное – квадрат первого простого числа». Ничего особенно сложного, но все же не так примитивно, как в три года, когда я говорил: «Один Финн, один

Фиш».

– По-твоему, в этом нет ничего сложного? – произнесла я и увидела, как мое дыхание превратилось в облачко пара: температура в «Блейзере» продолжала падать.

– Да. Годом к четырнадцати я уже включал в ответы последнюю теорему Ферма, формулу Эйлера и проблему Гольдбаха.

– Охренеть! Ты не расстроишься, если я не стану тебя просить объяснить мне все это?

– Нет. – Финн засмеялся, и мою голову на мгновение окутало облако пара. – Математика – это одиночество. Она отгораживает тебя от других. Мои родители из-за этого разошлись. Мама постоянно чувствовала себя чужой. Отец, по ее словам, все время ускользал от нее в свой мирок. А потом он начал уводить туда и меня, и это стало последней каплей. Папе предложили должность в университете в другом штате, а мать сказала, что не поедет. Нам с братом предложили самим решить, с кем остаться. Но мне было почти семнадцать, и я всю жизнь провел в Бостоне. У меня были друзья, я играл в бейсбол, к тому же в глубине души мне не хотелось оставлять Фишера и маму, хоть я и винил ее в том, что отец от нас уходит. Жаль, что я не поехал с ним. Теперь-то я знаю: надо было ехать. Ведь в итоге мне все равно пришлось оставить маму. – Финн резко замолчал, а потом сменил тему: – Ты спросила, во что я верю. А во что веришь ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бридж (англ. bridge – «мост») – связующее звено между припевом и куплетом (здесь и далее примечания редактора).

2

Самые распространенные в США сети мотелей – Super 8 и Motel 6.

Купить: https://telnovel.me/harmon_emi/beskonechnost-1

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)